

Цикл Пандемоним

Дмитрий Лазарев
ЛЕДЯНАЯ СМЕРТЬ

Пандемониум

Дмитрий Лазарев

Ледяная смерть

«Автор»

2005

Лазарев Д. В.

Ледяная смерть / Д. В. Лазарев — «Автор»,
2005 — (Пандемониум)

ISBN 978-5-9922-0070-6

Не очень далекое, но такое неожиданное будущее. В результате неудачного научного эксперимента в Мироздании образовалась трещина, через которую на нашу старушку-Землю проникли другие обитаемые миры, изменив ее до неузнаваемости. Теперь она превратилась в Пандемониум, в котором нет ничего невозможного. И на этом фоне вам предлагается головокружительный коктейль. В нем есть все: главный герой – обычный человек, попавший в очень необычные обстоятельства, его тайные и явные враги, друзья-подруги и таинственные покровители, разумные артефакты, магия, головоломное переплетение интересов и судеб простых смертных и высших сил. Динамично развивающийся сюжет не позволит вам оторваться от чтения, пока вы не перевернете последнюю страницу.

ISBN 978-5-9922-0070-6

© Лазарев Д. В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Лазарев

Ледяная смерть

(роман первый из цикла «Пандемониум»)

ПРОЛОГ

Холод... Теперь уже Он мог ощущать его. Впрочем, для Него это было нестрашно: ведь холод, а точнее, лед составлял немалую часть Его сути. Он оказался дома, в родной стихии, и вновь бодрствовал после долгой спячки. Он не знал, сколько прошло времени, да Его это и не интересовало: в Нем сейчас превалировали другие чувства – ненависть и голод. Жуткий, всеобъемлющий голод.

Ненависть... Он помнил, что произошло тогда. Ярость битвы, и Его заклятый Враг совсем близко, настолько, что до него можно дотянуться. Как же Ему хотелось уничтожить Врага, стереть в порошок, а затем выпить душу его создателя! Ему не хватило тогда совсем чуть-чуть: что-то произошло, но это Он уже помнил смутно... Катастрофа... Глобальная... Кажется, рушился мир. Но это для Него было абсолютно неважно. А важно то, что она помешала уничтожить Врага...

Где он сейчас? Ведь наверняка тоже уцелел в катаклизме! Ему подобные так просто не гибнут. Ненависть вспыхнула в Нем с новой силой. Найти Врага! Ведь они были совсем рядом. Где он?! Где?! Магический поиск ничего не дал. Поблизости не ощущалось даже тени Силы Врага. Очевидно, катастрофа разбросала их по разным уголкам мира. Враг жив, но, возможно, еще спит. А если так, то у Него есть преимущество – фора во времени. Нужно только скопить силы и утолить этот проклятый голод.

Он распустил по окрестностям свои невидимые энергетические щупальца, но напрасно: вокруг простиралась бескрайняя снежная пустыня, в которой, казалось, не было ничего живого. Очередная вспышка ярости улеглась почти мгновенно: Ему следовало экономить силы, пока не появится кто-то, годный на то, чтобы добывать для Него пищу. А может и не только... Неужели... Нет, не может быть! Но что-то же заставило Его пробудиться! Значит, тот, кого Он ждал, существует в это время и в этом мире. Пусть он пока далеко отсюда, но рано или поздно их пути пересекутся. Лучше рано, ибо времени у Него не так уж и много. Позвать его? А если на зов откликнется не он? Впрочем, какая разница? На первое время сойдет кто угодно. Ему нужны были кровь и души, чтобы жить и чтобы восстанавливать силы.

И Он испустил широким веером надчувственный призыв. Тот, кто Ему нужен, должен услышать. Возможно, он даже сразу не поймет, в чем дело, но не сможет не откликнуться и не придти... Когда это будет? Одному Создателю известно. Остается только ждать. Впрочем, терпения Ему не занимать, правда хотелось верить, что встреча состоится скоро. И вот тогда придет Его час!

Глава 1

Иглокрыл

Московский мегаполис 2030 год

Постепенно вечерело, хотя до заката солнца было еще далеко: как-никак, на дворе стояла середина июля, то бишь, макушка лета. Погода стояла превосходная, что для столь крупного города было неудивительно: Москва могла себе позволить содержать довольно большой штат адептов,¹ ведающих погодой. И, надо признать, они старательно выполняли свою работу, особенно в преддверие больших праздников. Жары, свойственной этому времени года, не было – столбик термометра не поднимался выше 20–22 °С. Только в районах, непосредственно прилегающих к сектору Кантард, было несколько жарче. Город наполняла предпраздничная суэта – был канун Дня Единения.

По Оболенскому переулку медленным прогулочным шагом шел молодой человек 27–30 лет. На губах его играла мечтательная улыбка. Он обладал достаточно заурядной внешностью: среднего роста и телосложения, каштановые волосы и карие глаза. Одет был тоже неброско: в зеленую летнюю рубашку с коротким рукавом, легкие серые брюки и белые плетеные туфли. С подобной внешностью хорошо работать спецагентом или наемным убийцей: на таких не останавливают взгляда. Посмотрят и тут же забудут. Однако, наш герой не принадлежал к этим двум рискованным профессиям.

Молодого человека звали Дмитрий Рогожин, и шел он с работы домой. Настроение у него было весьма неплохое, а это в последнее время случалось нечасто. Нельзя сказать, что Дмитрий был мрачным и нелюдимым человеком, но окружающая действительность не очень располагала к веселью и оптимизму. Он работал простым бухгалтером в крупной строительной корпорации «Барков энтерпрайзес» и зарплату получал соответствующую. Он не мог себе позволить купить даже недорогую машину и потому всюду ходил пешком, изредка пользуясь такси или автобусом – единственным общественным транспортом, сохранившимся в Пандемониуме.

Его дорога на работу проходила поблизости от сектора Кантард, представляющего собой непроходимые тропические джунгли. Климат в секторе и его ближайших окрестностях всегда был жаркий и влажный, даже зимой. Но к таким климатическим закидонам в зонах проникновения иных миров люди уже привыкли, на что им, правда, потребовалось немало времени. Да и визитерам приходилось несладко, ибо подобного не происходило ни в одном из миров, представителями которых они являлись.

Начать с того, что смена времен года в других мирах вовсе не обязательно совпадала по времени с земной. Например, вы вполне могли в разгар жаркого лета где-нибудь на Украине попасть в суровую зиму сектора Кхазмадан – обиталища орков, или посреди выжженной солнцем Сахары оказаться в болотистом Амфале, да еще в сезон дождей. Сказать, что подобные резкие переходы создают очень некомфортные условия для любого живого существа, особенно разумного, – значит ничего не сказать. На границах особо «экстремальных» секторов заболеваемость и смертность среди населения возросли на порядок – ведь каждый мир, к тому же, еще обладал набором собственных болезнетворных бактерий и вирусов, к которым у «соседей» не было никакого иммунитета.

Кроме того, существовали в Пандемониуме миры, в которых смены времен года просто не происходило, или она была практически незаметна. Например, Вечнолесье с таким же успехом можно было именовать Вечнолетьем, так как этот пропитанный магией мир сам поддержи-

¹ Разъяснение незнакомых или малознакомых терминов и понятий дано в словаре в конце книги

вал наиболее комфортные условия для своих обитателей и зачарованных лесов, заполнявших его целиком. Совсем другое дело – сектора Кантард и Нордхейм. Удушливая и влажная жара первого и леденящий холод вкупе с жуткими ветрами второго, царящие круглый год, являлись кошмаром для кого угодно. В связи с этими климатическими проблемами обитателям Пандемониума приходилось тщательно продумывать маршруты своих поездок, чтобы в зимней шубе не оказаться в тропических джунглях или, отправившись летом на пляж, не замерзнуть насмерть в снежной буре.

Вот только в секторе Кантард тропический климат был наименьшей из проблем. В этих джунглях не было разумных существ, зато они кишели разнообразными хищными формами жизни – как животными, так и растительными. А нехищные растения имели, в большинстве своем, либо ядовитые, либо дурманящие свойства. В этом секторе произрастали сильнейшие из природных наркотиков, по сравнению с которыми героин был не более опасен, чем легкие ментоловые сигареты. Но даже отчаянные дельцы наркомафии, которая в новом мире процветала более, чем когда-либо раньше, обычно не решались соваться в эти смертоносные леса.

Что же до кантардских хищников, то они представляли собой весьма серьезную угрозу для всех, кто жил поблизости. Там постоянно дежурили усиленные патрули усмирителей, но иногда даже их было недостаточно. Например, два года назад во время Нашествия джунглей. Дмитрий был свидетелем того, какой ад тогда творился на улицах города, и вспоминая об этом, каждый раз содрогался. Самым странным было то, что твари разных видов действовали согласованно. Обычно этим кровожадным существам было совершенно все равно, кого рвать на куски – человека, орка или своего же сородича, и они нередко вцеплялись друг другу в глотку при дележе добычи. В те дни же подобного не было и в помине: казалось, чья-то злая воля гонит эту разношерстную толпу на улицы мегаполиса. Эдемнты тогда так и не докопались до причин столь странного нашествия, и вопрос об этом так и остался открытым...

С тех пор окрестности сектора стали несколько более безопасными, но люди все-таки предпочитали не ходить в этом районе без оружия. Эдемнты даже разрешили носить с собой игольные парализаторы, но и они не всегда выручали. Полгода назад их сосед был разорван на куски парочкой неизвестных рептилий из джунглей, чья чешуя оказалась неуязвимой для иголок парализаторов. Тогда отец Дмитрия добыл на черном рынке пистолет с разрывными пулями и снабдил им сына. Молодой человек таскал оружие во внутреннем кармане пиджака и прятал в тайнике неподалеку от входа в здание корпорации. Но так как в этом районе уже несколько недель обстановка была спокойной, его состояние постоянной напряженной готовности выхватить пистолет (из которого он, кстати, весьма неплохо стрелял) ушло. Он несколько расслабился, и, как показали дальнейшие события, совершенно напрасно.

* * *

Иглокрыл был очень голоден. Вот уже третьи сутки ему не удавалось добыть в джунглях ничего съестного. Такой неудачной полосы уже давно не было в его жизни. Еще немного – и он так ослабеет от голода, что сам станет чьей-нибудь добычей. Отчаяние выгнало его из джунглей тропических в джунгли каменные соседнего района города. Двунogie, жившие здесь, как правило, были легкой добычей, но те из них, которые собирались в группы и бродили в этом районе, использовали для защиты огонь и молнии или гремющие железки, несущие смерть. Если бы не такой жуткий голод, тварь никогда не решилась бы на подобную авантюру.

Иглокрыл был сравнительно небольшим существом, размером не больше ястреба-тетеревятника, а внешне напоминающим доисторического археоптерикса. Его основным оружием были иглы с парализующим ядом, которые он выстреливал из крыльев. Когда жертва падала парализованной, иглокрыл своим мощным твердым клювом пробивал ее череп и высасывал мозг, являвшийся его излюбленным лакомством. Сейчас он передвигался осторожно, стараясь

держаться в тени деревьев и попутно выискивая жертву-одиночку. И вот впервые за последние трое суток ему повезло: вылетев из сквера на улицу, он увидел одинокого двуногого, идущего по улице спиной к охотнику.

Иглокрыл изготовился к атаке.

* * *

Кто знает, как все могло повернуться, если бы Дмитрий сегодня не встретил ЕЕ. ОНА – это Алина Баркова, дочь председателя совета директоров «Барков энтерпрайзес». Рок Дмитрия состоял в том, что он влюблялся только в недоступных красавиц. Впервые увидев ее месяц назад, он был убит наповал: это была женщина его мечты, но мечты недостижимой, как звезды. С тех пор он бредил ею. Она была с ним постоянно: во снах, мыслях, мечтах. И вот сегодня (какая удача!) он случайно столкнулся с ней у лифта. В ответ на восторженный взгляд, девушка мило улыбнулась ему и сказала: «Здравствуйте!». И этого оказалось достаточно, чтобы потом весь день он летал, как на крыльях, лишь изредка вспоминая о своих служебных обязанностях.

В общем, в этот вечер мысли Дмитрия были очень далеки и от дороги, и от обеспечения собственной безопасности. Когда иглокрыл бросился в атаку, яростно хлопая крыльями, все что успел сделать молодой человек, это наполовину обернуться и получить две иглы в шею и три – в бок. Острая боль и почти мгновенный сковывающий эффект яда иглокрыла заставили ноги Дмитрия подкоситься, и он упал на асфальт. Но парадокс состоял в том, что именно в этот вечер Дмитрию, цинику и пессимисту, до безумия хотелось жить. Он отчаянно боролся с действием яда и, преодолевая сопротивление цепенеющих мышц, пытался дотянуться непослушными пальцами до пистолета в кармане и вытащить его. Обычно иглокрылы ждали, пока их жертва не будет полностью обездвижена, и только потом приближались, но этот был слишком голоден и нетерпелив. Терпение иглокрыла закончилось как раз в тот момент, когда пальцы Дмитрия сомкнулись на рукоятке пистолета, и он снял его с предохранителя. Тварь бросилась вперед, а молодой человек с силой, которую придало ему отчаяние, рванул цепенеющей рукой оружие из кармана. Он понимал, что у него только одна попытка, – на вторую просто не хватит сил.

Иглокрыл увидел гремящую железку слишком поздно и не успел отвернуть. Вложив последние силы в это действие, Дмитрий поднял пистолет и выстрелил. Он не увидел даже, попал ли: парализующий яд иглокрыла, наконец, полностью обездвижил молодого человека. Но и пуля тоже сделала свое дело, – она попала в грудь твари и, разорвавшись, практически отделила ее голову от туловища. Иглокрыл был мертв, но и Дмитрий немногим отличался от него: он валялся на улице совершенно беспомощный, а рядом лежало запрещенное боевое оружие. Кто бы ни нашел его первым, – бандиты, недружелюбные визитеры, еще одна подобная тварь или патруль усмирителей, – ничего доброго эта встреча ему не сулила. Он не знал, сколько длится действие яда иглокрыла, и не повлечет ли оно необратимых последствий для его организма. Молодому человеку оставалось лишь надеяться на весьма маловероятный благополучный исход. Проблема состояла в том, что с оптимизмом у него всегда было туго.

* * *

По Несвижскому переулку не спеша двигалась довольно любопытная компания: два человека крепкого телосложения, не в форме, но с оружием и эльфийка. Впрочем, обитатели мегаполиса уже привыкли к подобным зрелищам: это был патруль усмирителей.

Адепт патруля Аллерия Деланналь была чистокровной эльфийкой. Она обладала свойственной всем представителям этой расы удивительной красотой, но красотой холодной, нечеловеческой. В эльфийских красавиц не влюбляются, а лишь восхищаются как изысканными

произведениями искусства. Эльфы, впрочем, сами установили дистанцию между собой и остальными расами. Да, они лучше других относились к людям, были неизменно вежливы, но... было видно, что себя они ценят чрезвычайно высоко. Выше всех остальных. Распространенный совет «будь проще – и люди к тебе потянутся» совершенно не подходил эльфам: они к этому и не стремились.

Магические способности обнаружились у Аллерии с самого детства, но стали серьезно развиваться только здесь, в Пандемониуме после Катаклизма, так как в тихом и спокойном Вечнолесье для этого просто не было стимулов. Из-за того, что эльфы с самого начала были самой лояльной к эдемитам расой, эльфийка-адепт естественно попала в поле зрения вербовочной команды Корпуса Усмирителей. Жажда приключений не являлась типичной чертой дивного народа, но Аллерия оказалась исключением. Она без колебаний согласилась на работу в КУ: идея приложить руку к понижению градуса зла в мире показалась ей очень привлекательной. Как и все эльфы, она не любила насилие, что, впрочем, не мешало ей применять боевые заклинания против нарушителей закона и порядка.

Назначение адептом в малый патруль окрестностей сектора Кантард было первым серьезным заданием Аллерии, и она горела желанием доказать свою полезность Корпусу. Малый патруль состоял из адепта и двух бойцов и являлся обычным в спокойных секторах. В достаточном патруле было два адепта и три бойца, в усиленном – три адепта и четыре бойца. Со времени кровавого вторжения тварей из Кантарда обстановка в секторе стабилизировалась, и усиленные патрули постепенно сменились достаточными, а потом и малыми.

Ее патрулирование уже приближалось к концу, а никаких событий, требующих вмешательства усмирителей, так и не произошло – и это даже несколько разочаровало Аллерию, очень хотевшую сразу доказать коллегам свою полезность. Внезапно ее сверхчувство уловило эманации насилия и крови, исходящие с соседней улицы. Эльфийка обернулась к командиру патруля Олегу Долохову, мужчине лет сорока, вооруженному автоматом с подствольным гранатометом, и дала сигнал, что кое-что обнаружила. Он быстро приблизился:

– Далеко?

– Пара кварталов отсюда, на параллельной улице.

Помимо защитных амулетов все усмирители были снабжены кулонами-переводчиками, «знающими» все языки Пандемониума. К тому же, когда эдемиты подавили хаос, они выработали так называемый всеобщий язык и обязали всех учить его. Таким образом, перед оперативниками КУ не стояла проблема языкового барьера.

– Что именно? – поинтересовался Долохов уже на ходу.

– Точно не знаю, чувствую кровь, боль и смерть.

– Магия?

– Нет, – уверенно ответила Аллерия.

Долохов и Сергей Громов, второй боец, взяли оружие наизготовку и вышли вперед, прикрывая эльфийку. Понятно, что жизнь адепта более ценна, чем жизнь бойца, даже опытного, поэтому во всех патрулях бойцы защищали своих адептов до последнего вздоха. Аллерия, как и все эльфы, в глубине души считала свою расу выше человеческой, но, тем не менее, оценила их самоотверженность.

Впрочем, как оказалось, опасности уже не было: патруль КУ опоздал. На асфальте лежал мертвый иглокрыл с развороченной грудью, а рядом – парализованный ядом твари молодой человек. Тут же находилось и оружие парня – запрещенный пистолет с разрывными пулями. Убедившись, что опасности нет, и забрав пистолет, Долохов позволил Аллерии подойти к пострадавшему.

– Ну, как? – поинтересовался он.

– Жив, но полностью парализован, – после короткого осмотра доложила Аллерия. – Яд иглокрыла не смертелен и действует примерно три часа. Но парень еще несколько дней не сможет полноценно двигаться, и, к тому же, его будут мучить боли.

– Ты можешь ему помочь?

– Здесь – нет. Мне понадобятся кое-какие ингредиенты. Надо доставить его в тюремную больницу, и там мы...

– Прости, куда? – вкрадчивым тоном спросил Долохов.

Эльфийка удивленно посмотрела на него:

– В тюремную больницу, конечно. Он же нарушил закон о запрещенном оружии. Мы должны арестовать его.

– Брось, Аллерия! У каждого второго гражданина есть боевое оружие. А как еще им защищаться от грабителей или тварей, вроде этой? – Долохов кивнул на мертвого иглокрыла.

– Для этого есть мы!

– Ну да, – усмехаясь, вмешался в разговор Громов. – То-то мы сегодня так вовремя успели на помощь этому бедняге! Он был бы уже холодным трупом, если бы не его запрещенная пушка!

– Но закон... – начала было эльфийка, ошарашенная дружным натиском бойцов.

– Закон запрещает нам закрывать глаза на ношение запрещенного оружия, – спокойно сказал Долохов. – Мы и не закрываем: пистолет конфискуем, но арестовывать парня не будем, а доставим в обычную больницу. В противном случае нам придется по аналогичному поводу арестовать половину населения мегаполиса. Ты к этому готова?

– Ты – командир, – пожала плечами Аллерия. – Если берешь на себя ответственность...

– Беру. Ты откроешь нам пространственный коридор до больницы?

– Без проблем.

* * *

Лежа на больничной койке, Дмитрий думал, что надо бы пересмотреть свои взгляды на судьбу: все-таки, иногда она ему улыбается. Надо же: из такой пиковой ситуации выбраться, отделавшись лишь конфискацией оружия! Это было действительно наименьшим из всех зол. Ему повезло, что первыми его нашли усмирители, и что командиром патруля оказался разумный человек. Ведь дай волю той эльфийке, и он бы уже загорал в тюрьме. Лежа совершенно беспомощным на улице, он, тем не менее, слышал весь разговор, и его сердце замерло, когда прозвучали слова об аресте и тюремной больнице...

Слегка повернувшись на койке, Дмитрий поморщился: мышцы слушались очень плохо и на каждое движение отзывались мучительной болью. Он подумал о родителях: вот кто, наверное, с ума сходит от беспокойства. Правда, если им сообщили, то скоро они будут здесь.

Его отец, Сергей Николаевич Рогожин, содержал частную нотариальную контору, а мама, Александра Петровна, работала у него секретарем. Вместе с зарплатой Дмитрия их доход позволял им жить, не голодая, но не более того. На развлечения денег практически не оставалось, так что каждый праздник семья Рогожиных начинала ожидать с нетерпением задолго до его наступления. А тут, надо же какая незадача! Отец с матерью расстроятся...

И тут, словно в ответ на мысли Дмитрия, дверь открылась, и в палату вошли его родители. Отец старался выглядеть спокойным и даже веселым, а лицо матери все еще было бледным от пережитого волнения.

– Ну, как ты, сынок? – спросил его Сергей Николаевич после приветствия.

– Как видишь, живой! – с трудом проговорил Дмитрий (губы и язык были словно чужие). – Вот только завтрашний праздник придется пропустить.

– Это ерунда! – горячо вмешалась в разговор мать. – Главное, что ты остался жив!

– И на свободе, – тихо добавил отец.

– Это точно, – мрачно подтвердил Дмитрий.

– Ладно, об этом ты нам потом расскажешь, – быстро сказала Александра Петровна. – Что касается праздника, то мы с отцом тоже не пойдем: нет настроения. Мы лучше побудем здесь, с тобой.

– Ну уж, нет! Не хватало еще вам праздник испортить! Обо мне здесь заботятся. Так что не беспокойтесь, идите и веселитесь! Вы же так ждали этого дня. Пожалуйста! Если останетесь тут, при мне, я только больше буду переживать!

– Ты уверен, сынок? А то, мы вполне можем...

– Идите и развлекайтесь, вам это так редко удастся!

Если бы он только знал, как сильно потом будет жалеть об этих своих словах...

Глава 2

Костер для адепта

День Единения перевалил за свой экватор. Праздничная круговерть уже разошлась не на шутку. Вообще-то поначалу население Пандемониума восприняло идею этого праздника, директивно введенного правящим эдемитским режимом, весьма прохладно. Да и день, выбранный для праздника – 15 июля, совпавший с датой Катаклизма, сперва казался изощренным издевательством. Но ко всему рано или поздно привыкаешь. Привыкли и к этому празднику, а со временем даже полюбили.

Обычно в течение года даже самые дружелюбные расы, такие как эльфы из Вечнолесья или разумные кошки из Моррэя, старались держаться в своих районах и достаточно редко выходили «в люди». В День Единения, когда за порядком кроме усмирителей следили еще и специальные наблюдатели эдемитов, большинство рас забывали свои опасения и собирались вместе на улицах и площадях городов, где их развлекали магическими представлениями. К их услугам были также ярмарки, на которых в изобилии встречались торговцы редкими, в том числе и магическими товарами. За торговцами вели неустанное наблюдение усмирители, чтобы те не продавали ничего запрещенного, например, магического оружия или амулетов с заключенными в них стихийниками. Однако те, кто имел достаточно денег, смелости и хитрости, умудрялись раздобыть и то, и другое.

Адепт Анкорнус уверенно шел к площади Примирения. Так теперь называлась Красная площадь. Народ почтительно расступался перед ним, едва увидев на его рукаве нашивку в виде синего пера, – знак принадлежности к Гильдии независимых адептов. У большинства населения адепты вызвали уважение, смешанное со страхом. Они обладали немалым могуществом, противостоять которому могли разве что эдемиты, инферы и усмирители. Хотя деятельность Гильдии находилась под контролем последних, они не в состоянии были отследить ВСЕХ магических действий, и поэтому с теми, кто имел несчастье не угодить кому-нибудь из Гильдии, могло произойти всякое: от потери работы до летального исхода. Причем, в большинстве случаев доказать применение магии было очень трудно, а то и просто невозможно.

Анкорнус был адептом высшего уровня и происходил из человеческого мира Эллезар. В этом мире было много людей с прирожденными магическими способностями, так что представители Эллезара составляли довольно значительный процент среди адептов Пандемониума. Анкорнусу было лет сорок. Как и все эллезарцы, он был смуглокожим человеком с ястребиным профилем. Одевался он тоже по моде своего мира: темный однотонный камзол и плащ. А довершали наряд такие же темные остроносые сапоги.

Привычный к уважению и страху окружающих, адепт мало что замечал по пути, – он был погружен в свои мысли. В его голове звучал голос, и, несмотря на все свое искусство, Анкорнус не мог определить, был ли он порождением его подсознания или это внешнее магическое воздействие. Второй вариант был существенно страшнее, так как жутко было даже представить могущество того, кто мог оказывать на адепта высшего уровня такое устойчивое влияние, которое он даже не в состоянии заблокировать. Впрочем, эти вопросы уже мало волновали Анкорнуса: он сопротивлялся голосу почти месяц, но неделю назад его воля пала в неравной борьбе. Теперь он являлся лишь рабом неизвестного существа, передающего приказы прямо в его мозг.

На улицах было уже много народу (как землян, так и визитеров), а с приближением к площади Примирения толпа становилась все гуще. Это было неудивительно: основное магическое действо этого дня в мегаполисе должно было происходить именно там. Анкорнус сунул руку под плащ и проверил, на месте ли амулет, найденный им три дня назад. Голос предупре-

дил, что он сегодня очень пригодится, и приказал обязательно надеть его. Нашупав амулет, адепт успокоился: пока все шло по плану.

Через некоторое время Анкорнус внезапно ощутил волну жара, распространяющуюся от амулета. Это напугало его, но голос приказал ему успокоиться. Впрочем, Анкорнус и сам уже понял, что миновал первый охранный круг усмирителей, блокирующий действие чужих артефактов. Адепт усмехнулся: амулет оказался не по зубам хваленой магии Верхнего мира, а значит была надежда пройти и все остальные.

* * *

Площадь Примирения постепенно заполнялась народом. Несмотря на то, что магическое представление, являвшееся гвоздем программы, еще не началось, посмотреть было на что. Одна только выставка магически подчиненных хищников из сектора Кантард, да самая большая в мегаполисе ярмарка редкостей много чего стоили. Сергей Николаевич и Александра Петровна Рогожины наслаждались праздником. Правда, болезнь сына несколько омрачала их настроение, но врачи уверили в том, что его полное выздоровление – дело нескольких дней. Оставалось лишь сожаление, что он сейчас не с ними и не может разделить удовольствие, которое они получают от всего происходящего. Дополнительно Сергея Николаевича радовало то, что усмирители, доставившие сына в больницу, оставили без последствий наличие у него запрещенного оружия.

Только он об этом подумал, как встретился в толпе взглядом с той самой эльфийкой, группа которой нашла и доставила в больницу Дмитрия. Там она держалась с ними холодно, но подчеркнуто вежливо, очевидно, не одобряя того, что дело об оружии спустили на тормозах. Увидев Сергея Николаевича, эльфийка сухо кивнула и отвернулась. Рогожин нахмурился. У него появилось предчувствие, что у сына еще возникнут из-за нее проблемы, но делиться своими опасениями с супругой не стал, так как Александра Петровна не видела эльфийку, а портить ей праздничное настроение ему не хотелось.

* * *

Аллерия Деланналь была среди тех, кого назначили в этот день следить за порядком на площади Примирения. Для нее, работавшей в КУ без году неделю, получить такое задание было большой честью. Очевидно, в Корпусе ее ценили, и она была полна решимости доказать, что достойна оказанного ей высокого доверия.

Оглядывая площадь в поисках очагов напряженности, она случайно увидела человека, с семьей которого у нее было связано первое и пока единственное неприятное воспоминание о работе в Корпусе, – Сергея Николаевича Рогожина. Она была уверена, что запрещенное оружие появилось у Рогожина-младшего с его ведома, а возможно, и при его прямом участии. Аргументы ее партнеров по кантардскому патрулю не убедили Аллерию. Она по-прежнему считала, что ни одно преступление не должно оставаться безнаказанным, и, освободив парня от ответственности, они сделали ошибку. Эти воспоминания вызывали в ней гнев и раздражение, чувства совершенно не свойственные магам ее расы. Поэтому эльфийка усилием воли прогнала прочь отвлекающие ее мысли и попыталась сосредоточиться на своей задаче.

Ее взгляд остановился на целеустремленно идущем сквозь толпу высоким мужчине, по виду – типичном эллезарце. Его принадлежность к магической гильдии легко определялась по ауре силы, которую он и не думал скрывать. Но было в нем нечто, трудно выражимое словами, вызвавшее у эльфийки какую-то настороженность. Прежде чем решение просканировать адепта на уровне сверхчувств окончательно оформилась в голове Аллерии, произошло событие, отвлекшее ее.

Демонстрируемый в этот момент на выставке кантардских тварей гигантский арахноид внезапно зашевелился, как будто сковывающая его магия перестала действовать. Контролирующие выставку адепты засуетились, пытаясь повторно наложить на хищника чары, но что-то вновь пошло не так, и удар огромной клешни арахноида прикончил ближайшего к нему мага. Чудовище повернулось ко второму магу, мгновенно побледневшему от ужаса, когда вмешалась Аллерия и еще двое, оказавшихся неподалеку адептов усмирителей. Они практически одновременно обрушили на хищника мощный магический удар, обладающий одновременно оглушающим и парализующим действием. Однако, результат сильно удивил Аллерию: вместо того, чтобы упасть, как подкошенная, связанная, словно веревками, заклятьями усмирителей, тварь лишь закачалась, судорожно перебирая конечностями и пытаясь восстановить равновесие. В довершение всего отдача заклинания заставила эльфийку сморщиться от боли. Было такое ощущение, что вокруг хищника действовало какое-то поле, отражающее и рассеивающее любую магию. Несмотря на довольно сильную боль, Аллерия собрала силы для повторного удара. Хотя она и не видела этих хищников в действии, но из рассказов коллег по КУ представляла, какой кровавый урожай арахноид может собрать на переполненной народом площади. Во втором ударе, по-видимому, участвовали уже все адепты, находившиеся тут, и это, наконец, дало желаемый эффект: тварь рухнула на помост и замерла.

От второй отдачи у Аллерии пошла носом кровь. Трясущимися губами эльфийская волшебница прочитала короткое заклинание, останавливающее кровотечение. Со стороны помоста еще доносились крики ужаса и боли, – очевидно, в возникшей там панике, кто-то оказался сбит с ног и получил серьезные травмы. Пока часть усмирителей успокаивала толпу, пара адептов кинулась к пострадавшим оказывать медицинскую помощь.

Убедившись, что ситуация под контролем, Аллерия поискала глазами адепта, который привлек ее внимание перед тем, как началась эта суматоха, но не нашла его. Она как раз хотела телепатически связаться со старшим адептом, чтобы сообщить ему о подозрительном эллезарце, когда начался ад...

* * *

«Пора! – услышал Анкорнус. – Действуй!» Но он уже и сам понимал, что лучшего момента для исполнения задуманного может больше не представиться: усмирители были слишком заняты ликвидацией последствий освобождения арахноида, чтобы с прежней тщательностью контролировать всю площадь. Адепт активировал на полную мощность свой амулет, который мог не только блокировать и рассеивать магию усмирителей, но и являлся мощнейшим источником энергии для разрушительных заклинаний. В тот момент, пока адепты усмирителей оказывали помощь пострадавшим у помоста, а эльфийка Аллерия лихорадочно искала его глазами в толпе, Анкорнус щедро зачерпнул энергию как из собственных запасов, так и из амулета и нанес чудовищной силы удар.

Волна всепожирающего пламени с огромной скоростью стала распространяться во все стороны от адепта. Люди и визитеры превращались в живые факелы, оглашая площадь дикими воплями, сливавшимися в жуткую какофонию боли и смерти. Усмирители среагировали слишком поздно, и их наспех созданные заградительные экраны не сумели остановить огонь. Вскоре пламенем оказалась охвачена вся площадь. Лишь сами усмирители и те, кто стоял рядом с ними, уцелели, благодаря действию их охранных амулетов, но больше не выжил никто. Плащ самого Анкорнуса вспыхнул, но адепт не замечал этого: он заливался диким, безумным хохотом, глядя на дело своих рук.

Усмирители встали в кольцо, в котором участвовали и адепты, и бойцы, объединив таким образом собственную энергию и энергию своих амулетов, чтобы поставить огню несокрушимый заслон и не пустить его дальше. Следующим действием адепты перекрыли доступ кисло-

роду в зону огня, так как дышать там все равно уже было некому, а затем призвали водные чары.

Принятые меры все-таки дали нужный результат: разбушевавшееся пламя удалось обуздать и заставить отступить. Но на площадь было страшно смотреть: в считанные минуты из места радости и праздника она превратилась в гигантский крематорий, в котором тысячи улыбающихся горожан в мгновение ока стали тысячами неотличимых друг от друга кучек пепла. Когда радиус пожара составил всего несколько метров, раздался оглушительный взрыв, поглотивший все еще хохочущего, несмотря на охватившее его пламя, Анкорнуса. К чести усмирителей, их блок выдержал эту последнюю ударную волну.

Когда дым от взрыва рассеялся, пламени уже не было, как, впрочем, и тела эллезарца.

* * *

Аллерия как окаменевшая смотрела на жуткую картину абсолютной смерти, которую представляла собой площадь Примирения. Какой жестокой иронией веяло сейчас от ее названия. Столько жертв! Во имя чего все это?! Кто за этим стоит? Все эти вопросы ответов пока не имели.

К ней приблизились Долохов и Джон Лестер – старший адепт в отряде усмирителей, контролировавшем площадь.

– Аллерия, я слышал твой телепатический зов перед тем, как... все началось. Что ты хотела мне сказать?

– Адепт... – Голос плохо слушался эльфийку. – Эллезарец... Он... было в нем что-то странное...

– Что именно?

– Я не поняла толком... Что-то в его ауре... Он... пробирался в центр площади... очень целеустремленно. Я собиралась его просканировать, когда началась суматоха с арахноидом, а потом... он потерялся. Доложить я не успела, потому что... – На глазах эльфийки выступили слезы.

– Успокойся. – Лестер отечески положил руку ей на плечо, хотя, учитывая эльфийское происхождение Аллерии, вряд ли он был существенно старше ее. – Тебе придется пройти прочтение памяти на совете адептов, но сейчас ты должна отдохнуть.

– Да, мессир, – эльфийка кивнула, и Лестер, попрощавшись, отошел.

– Зачем, Олег?! Зачем он это сделал? – повернулась Аллерия к Долохову.

– Имеешь в виду эллезарца? Я сомневаюсь, что один адепт, каким бы он ни был могущественным, смог бы сотворить подобное без посторонней помощи, учитывая крупный контингент наших адептов и магические круги, – он понизил голос, – которые, по слухам, устанавливались лично эдемитом Пириэлом. Так что вопрос тут, скорее, в том, какие силы стоят за этим эллезарцем. Но это уже не наше с тобой дело.

– Совет адептов?

– Именно, – подтвердил Долохов, – и тебе надо успокоиться к моменту прочтения памяти.

– Спасибо, Олег, за поддержку. Я, конечно, постараюсь, но это так тяжело!

– А знаешь, кому сейчас будет еще тяжелее?

– Кому?

– Близким тех, кто был на празднике. Они наверняка вот-вот услышат о том, что здесь произошло, но не будут знать о судьбе дорогих им людей, так как неизвестно, были ли они в этот момент на площади.

Аллерия внезапно вспомнила лицо Сергея Николаевича Рогожина, которого она видела на площади за пару минут до того, как началось светопреставление. Он был там вместе с женой, а Дмитрий, находясь в больнице, еще не подозревает, что потерял сразу и отца, и мать.

– Ты чего замерла? – поинтересовался Долохов. – Вспомнила что-то?

– Того молодого человека, – неохотно произнесла эльфийка, – которого мы нашли вчера во время патрулирования.

– А, этот, с иглокрылом! Как же, помню. Почему ты вдруг заговорила о нем?

– Я видела его родителей на площади буквально перед тем, как все началось...

– Так, понятно, – мрачно сказал Долохов. – Ты уверена?

– Абсолютно.

– Бедный парень! Похоже, жизнь решила испытать его на прочность: вчера чуть сам не погиб, а сегодня... Вот что, раз уж ты до вечера свободна, навести-ка его в больнице и сообщи ему о смерти родителей.

– Но...

Аллерия не могла придумать ни одного аргумента, чтобы убедить Долохова не отправлять ее к Дмитрию. Ей не хотелось этого делать, очень не хотелось. Правда, она даже себе не могла четко объяснить, почему. Впрочем, ей было прекрасно известно, что подобные аргументы Долохов не приемлет. Поэтому молча кивнула и, попрощавшись, двинулась прочь с площади, где ограничительные круги эдемитов не позволяли ей применить заклятье пространственного коридора.

* * *

В больнице Дмитрий больше страдал от скуки, чем от боли. Движения все еще давались с большим трудом, и даже читать книгу, долгое время держа ее на весу, пока было тяжело. Дмитрий откинулся на подушку. Проклятый иглокрыл! И надо же было этому случиться как раз накануне Дня Единения! В жизни и так мало поводов для радости.

От мрачных размышлений о собственной невезучести его отвлек шум и возбужденные голоса в коридоре. Похоже, медперсонал что-то оживленно обсуждал. Сквозь двери было плохо слышно, но Дмитрий уловил слова «катастрофа», «огонь», «ужас». Боже, только этого не хватало! Что-то случилось в городе. Но что? Вторжение инферов или?.. Впрочем, гадать можно бесконечно. Только бы с родителями все было в порядке! Дмитрий уже пожалел, что не попросил их остаться с ним: на День Единения всегда собирается очень много народа, а это так соблазнительно для всякого рода террористов. Но куда же, в таком случае, смотрели эдемиты и усмирители?

Мысли об усмирителях вновь вызвали у него раздражение. Они готовы сажать народ в тюрьму за ношение огнестрельного оружия, но не могут обеспечить безопасность жителей на главном празднике года, проходящем под патронажем их покровителей – эдемитов. Шум постепенно становился глуше и удалялся, в то время как беспокойство Дмитрия все возрастало. Что же случилось? Он некоторое время лежал, мучаясь неизвестностью, и когда уже почти решился нажать кнопку вызова медперсонала, чтобы выяснить все, как дверь в палату открылась, и вошла медсестра.

– К вам посетитель, – сказала она, убедившись, что парень бодрствует, и дала кому-то знак войти.

«Боже, только бы это были родители!» – подумал Дмитрий, но тут же убедился, что это не так. В дверях показалась уже знакомая ему эльфийка.

– Здравствуйте, господин Рогожин, – произнесла Аллерия, входя в палату.

Первой мыслью Дмитрия было подозрение, что она все-таки сумела убедить свое начальство в необходимости его ареста и пришла, чтобы препроводить его в тюремную больницу. Стараясь скрыть волнение в голосе, он произнес:

– Добрый день, вы за мной?

Мгновение на лице Аллерии держалось непонимающее выражение, затем она досадливо махнула рукой:

– Если вы о пистолете, то забудьте о нем. Я по другому поводу.

– По какому же? Это как-то связано с тем, что случилось в городе?

– А вы уже знаете?

– Смутно слышал обрывки разговоров из коридора. Но вы не ответили на мой вопрос.

– Да, связано.

Дмитрий ощутил нарастающую тревогу.

– И каким же образом? – голос его предательски дрогнул.

– На площади Примирения, – поколебавшись, начала Аллерия, – во время праздника один безумный адепт произвел мощный магический взрыв, после которого начался очень сильный пожар. Очевидно, он воспользовался для этого какой-то заемной магической силой, поэтому мы не смогли сразу подавить возникший разрушительный выброс энергии...

Аллерии было не по себе, ибо она видела, как в глазах Дмитрия все более явственно проступало понимание страшной истины.

– Зачем вы мне все это... – запинаясь, начал молодой человек. – Мои родители...

– Да, они были в тот момент на площади. Я их видела.

– Что с ними? Они... выжили?

– Никто не выжил. Мне очень жаль.

До этих слов Дмитрий еще на что-то надеялся. Теперь надежда умерла... вместе с частью его души. Лицо молодого человека окаменело, а из глаз словно ушла жизнь. Выдержать этот взгляд было чрезвычайно тяжело, но эльфийка чувствовала, что должна это сделать.

– Никто не выжил, – безжизненным голосом повторил Дмитрий. – А вы?

– У нас амулеты. Вы же знаете, – Аллерия поймала себя на том, что оправдывается, и это вызвало у нее удивление и гнев. – Мы сделали все, что могли!

– Но этого оказалось недостаточно!! И вы продолжаете уверять, что в вопросах нашей безопасности мы должны полагаться на вас?! – с горечью воскликнул Дмитрий.

– Вы не правы! – горячо возразила Аллерия. – Но я вас понимаю: на ваши суждения сейчас влияет боль потери. Только запомните: самозащита любыми способами, в том числе покупка запрещенного оружия, это не выход, и ведет только к эскалации насилия и хаоса!

– Я учту ваше мнение, но, может быть, отложим полемику до другого раза? Я хотел бы остаться один. – Дмитрию не терпелось прекратить этот визит – душа его была переполнена горем и отчаянием.

– Хорошо, только остается еще вопрос с похоронами.

– Это моя забота.

– Но, видите ли, тела на площади сожжены до пепла, так что определить, где кто, без магии не представляется возможным. Вы уж извините за подробности.

– И что вы предлагаете?

– Есть адепты, которые с помощью нескольких капель вашей крови смогут отделить прах ваших родителей от остального. Я могу договориться с одним из них.

– Я заплачу, сколько нужно.

– Не стоит...

– Вы и так окажете мне большую услугу, если свяжете меня с этим адептом. Позвольте мне самому сделать все остальное, – тихо, но твердо произнес молодой человек.

– Я вам не враг, Дмитрий! В такой момент не надо замыкаться в себе и отвергать предлагаемую помощь.

– Просто свяжите меня с ним, ладно? Буду вам очень признателен. А теперь, если позволите...

– Как хотите. – Аллерия пожала плечами. – Я поговорю с ним, и он навестит вас в ближайшее время. До свидания.

Она уже взялась за ручку двери, когда Дмитрий вдруг ее окликнул:

– Постойте! Этот адепт, который все устроил... зачем?!

– Вряд ли мы когда-нибудь узнаем об этом. От него осталась только кучка пепла.

– Надеюсь, ему было очень больно, – с ненавистью прошептал молодой человек и отвернулся к стене.

* * *

Через три дня

Аллерия сдержала слово. Адепт оказался мастером. Сотворив заклинание на крови Дмитрия, он извлек прах его родителей из чудовищной гекатомбы² на площади Примирения и даже продемонстрировал несколько скептически настроенному молодому человеку призрачные тени их лиц – «следы их душ», как он объяснил Дмитрию.

Похоронами родителей Дмитрий занялся сразу же, как только, с грехом пополам, смог ходить. Родственников у молодого человека не было, но ему очень помогли друзья отца, за что Дмитрий им был безмерно благодарен. Из-за своей замкнутости не имел он и близких друзей. Конечно, коллеги по работе, с которыми у Дмитрия сложились достаточно хорошие отношения, не перешедшие, однако, в дружбу, пришли его поддержать, но... это была не та поддержка. Со всеми этими людьми приходилось быть сильным, прятать за каменным выражением лица свою боль, от которой хотелось дико, по-звериному завывать. Да что там, даже поплакать при них он не мог!

Впрочем, хорошо было уже то, что сама церемония и поминки прошли достаточно благополучно, без накладок. И вот, наконец, он остался один, впервые после смерти родителей придя в свою пустую квартиру. Сейчас можно было уже не держать себя в ежовых рукавицах, и слезы неудержимым потоком хлынули из глаз.

Насколько все было бы проще, верь он в Бога! Но даже тогда, пятнадцать лет назад, до страшного июля 2015 года, перевернувшего жизнь всего мира, у него, тринадцатилетнего пацана, уже сформировавшего свое мировоззрение, не было даже тени той веры, которая занимала столь важное место в жизни Сергея Николаевича и Александры Петровны Рогожиных.

А Катаклизм? Он ведь не только перекорежил ландшафт Земли и насильственно впихнул в нашу реальность куски иных миров, разрушив при этом множество городов и убив десятки миллионов человек. Нечто более страшное он сотворил с сознанием людей, с их верой, ибо с ней, в том виде, в котором она существовала до Катаклизма, было покончено навсегда. На первый взгляд, в этом заключается парадокс: ведь Катаклизм посрамил материалистов, доказав существование Высших Сил, иных миров и жизни после смерти. Но это только на первый взгляд. Катаклизм принес знание, вдребезги разбившее мироощущение всех верующих, независимо от конфессий, к которым они принадлежат. Это знание пришло даже к тем, кто упорно хотел отгородить от него свой измученный разум и израненную душу.

² Гекатомба – массовое жертвоприношение (авт.)

В чем же заключалось это знание? Да, была высшая сила, сотворившая Вселенную. Но это отнюдь не добрый и милосердный и даже не жестокий и карающий Бог – это необоримо могущественное и безмерно равнодушное НЕЧТО, холодная сила, плодом экспериментов которой и стало все то, что затем назвали Множеством Миров. И ей, этой силе, нет никакого дела до нашей боли и радости, до грехов и благочестивых поступков. Наша жизнь интересует ее меньше, чем нас самих – жизнь муравьев, снующих под нашими ногами. Да, существует жизнь после смерти. Но то, куда попадают души, покинувшие умершие тела – это не рай и не ад, а чрезвычайно тоскливое и унылое пустынное место, именуемое Серыми Пределами. А там в качестве стражей душ выступает та самая нежить, которой нас столько лет пугали сначала детские сказки, а затем и голливудские фильмы. Что же делать людям, которые истово веровали в то, что их умершие близкие, прожившие благочестивую, полную добрых дел жизнь, теперь наслаждаются блаженством на небесах? А тем, кто отказывал себе во всех удовольствиях при жизни, надеясь на посмертные райские кущи? А тем, кто глядя на ужасные преступления или просто отвратительные поступки других, верил в высшую справедливость, которая после смерти воздаст всем по заслугам? Что делать им, узнавшим, что все души, независимо от жизни, которую они вели, после смерти окажутся в одном и том же, причем весьма неприятном месте? Да, есть то, что ранее называлось раем и адом, но, если разобраться, что это такое? Просто еще два мира, Верхний и Нижний, населенные высшими расами, эдемитами и инферами соответственно, неизмеримо превосходящими людей по могуществу, но отнюдь не являющимися теми пресловутыми ангелами и демонами, которые были описаны в религиозных книгах. Те же эдемиты как обитатели Верхнего мира, по мнению Дмитрия, вовсе не были воплощением абсолютного добра. Да, они подавили хаос, возникший на Земле после Катаклизма, но одновременно захватили власть над этим миром, что совершенно не вяжется с образом бескорыстных служителей Добра и Света.

Знание умножает скорбь. И Дмитрий, с такой жадностью и таким интересом начавший после Катаклизма впитывать в себя множество появившейся информации об иных мирах, магии, Высших Силах, только теперь в полной мере оценил горькую правду, заключенную в этой фразе. Да, старая вера была иллюзией, фикцией, но она помогала людям легче переносить беды и жизненные неурядицы, помогала примириться даже со смертью близких. Она делала их добрее и терпимее друг к другу. Даже в атеистах, кроме самых закоренелых, нет-нет да и вспыхивала робкая надежда: а может в самом деле моей старой маме сейчас хорошо на небесах? Может, правда – подонкам-террористам, угробившим десятки людей, воздастся на том свете? Может... «Не может!» – безжалостно сказало новое знание.

Таким образом, молодой человек, столь внезапно лишившийся обоих родителей еще до тридцати лет, не имел даже этого иллюзорного утешения. Не попадут они после смерти в рай, а их убийца – в ад. И осознание этого, добавляясь к боли от потери, буквально разрывало его душу на части. Что же, плачь Дмитрий! Слезы – это все, что тебе осталось. И не стыдись их, парень. Плачь!

Глава 3

Семья Барковых делает выбор

Две недели спустя

– Вы уверены, Андрей Сергеевич? – Анна Берестова была искренне встревожена. – Возможно, мы сумеем обойтись обычными средствами.

– Брось, Аня, – Барков поморщился. – Мы же все это уже обсуждали. Их «обычные средства» ни в чем не уступают нашим. В этом случае мы получаем затяжную войну с трудно предсказуемым исходом, а все мирные методы разрешения конфликта давно исчерпаны. Значит, у нас нет другого выхода: только инфер-убийца решит все наши проблемы быстро и четко.

Это было закрытое совещание в защищенном всевозможными техническими и магическими способами кабинете генерального директора «Барков Энтерпрайзес». Присутствовали четверо: сам генеральный директор Андрей Барков – крупный мужчина лет пятидесяти с жесткими, волевыми чертами лица, коммерческий директор фирмы Анна Берестова – элегантная, уверенная в себе шатенка, выглядевшая существенно моложе своих сорока, начальник службы безопасности американец Дэвид Ньюмен, чем-то напоминающий актера Дольфа Лундгрена, и весьма загадочный персонаж – дроу-адепт Дейт Лостран. Последний был по штату оформлен как личный помощник Андрея Баркова. На деле же он исполнял функции мага-телохранителя, а также выполнял некоторые специфические поручения главы корпорации, спектр которых был весьма широк.

– Но инферы очень непредсказуемы, – не уступала Анна. – Неизвестно, какую цену запросит наемник за свои услуги. К тому же, если он потом захочет больше, мы вряд ли сможем ему хоть что-нибудь противопоставить и вынуждены будем подчиниться.

– Ошибаетесь, – вмешался в разговор Ньюмен, – у нас тоже есть козырь в рукаве.

– Полагаю, вы говорите о господине Лостране. Но я что-то сомневаюсь в способности адепта противостоять инферу, да простит уважаемый адепт мой скептицизм.

– Ваши слова продиктованы незнанием некоторых вещей, – хладнокровно заявил дроу. – Поэтому я на вас не обижаюсь. У меня есть средство заставить инфера честно придерживаться условий сделки или даже сделать скидку.

– Тогда почему бы ни применить ваше... средство для решения наших проблем?

– Потому что это специальное оружие против инферов.

– А вы уверены в его эффективности?

– Уверен.

– Не знаю, – нахмурилась она. – Не нравится мне это. Но если вы настаиваете, Андрей Сергеевич, я больше не буду возражать. Когда вы намереваетесь это предпринять?

– Дейт, когда у тебя будет все готово для установления контакта с нужным нам инфером? – обратился Барков к адепту.

– Завтра к утру.

– О'кей, значит, завтра в 9:00 собираемся здесь и через пространственный коридор отправимся в мой загородный дом. Ладно, все свободны. Дейт, останься.

Когда Анна и Дэвид вышли, Лостран повернулся к Баркову:

– Она может стать проблемой, босс. Задаст слишком много вопросов.

– Но она – ценный сотрудник, Дейт. Я пока не готов отказаться от ее услуг.

– Более удачного момента, чтобы избавиться от нее, может не быть. Если инфер заартачится, ее можно будет сдать ему в качестве отступного.

– Я сказал «нет», Дейт! Ты ведь уверен в своем средстве?

– Да, эдемитские артефакты обычно не дают осечки. Просто не хотелось бы убивать инфера: если об этом узнают в Нижнем мире, последствия для нас могут быть самые плачевные.

– Убивать будем только в крайнем случае, – сказал Барков. – Надеюсь, до этого не дойдет.

* * *

Алина Баркова встала с постели, подошла к окну и стала задумчиво созерцать открывшийся вид. Вид действительно того стоил: окна квартиры выходили на одно из красивейших мест в Пандемониуме – сектор Вечнолесья, зеленым копьём пронзивший бетонную плоть Московского мегаполиса. Потрясающие по красоте высокие и развесистые вечнозеленые деревья неизвестных на Земле пород были окутаны полупрозрачной лазурной дымкой, особенно заметной при лунном свете и создающей потрясающий эффект кривого зеркала. Лес был чистый, практически без зарослей кустарника, и выглядел намного приветливее и безопаснее кантардских джунглей. Однако, немногие рисковали ступить под его зеленые своды: лес был насквозь пропитан чуждой эльфийской магией, которую даже опытные адепты из Эллезара понимали едва ли наполовину. Этот лес занимал в мегаполисе небольшую площадь, но тонкая граница между мирами в нем разрывалась, так что можно было незаметно перейти из вечнолесского сектора Пандемониума в собственно Вечнолесье, где зачарованные леса простирались на тысячи километров во все стороны, и где ничего не стоило заблудиться и навеки пропасть. Эльфы, хоть и дружелюбно относились к людям, но не особенно приветствовали появление иномирцев в глубине своих территорий. Правда, на влюбленные парочки, считавшие окраины Вечнолесья самым романтичным местом для прогулок, хозяева зачарованных пущ смотрели снисходительно. Эльфийское недоверие к чужакам распространялось и на бульшую часть других рас, за исключением, разве что, уллов. Что же до орков, то для них зайти в Вечнолесье означало верную смерть.

Красоты эльфийского леса всегда успокаивали Алину и приводили в умиротворенное расположение духа. В таком настроении она могла часами любоваться пейзажем, улетаая мыслями в заоблачные дали, хотя в последнее время позволяла себе это все реже и реже. Алина Баркова была очень красивой девушкой. Ее сексуальная фигура, роскошные темно-русые волосы, мягкие и удивительно пропорциональные черты лица, чуть пухлые губы и большие, ярко-синие и неожиданно глубокие глаза уже не одного мужчину заставили полностью потерять голову. Вот только сама Алина голову терять категорически не умела и была крайне разборчива в выборе любовников. Кстати, в этом смысле ее больше интересовали женщины – с ними ей было как-то спокойнее и приятнее. Их мысли и мотивы легче поддавались анализу с ее стороны. Но никого Алина и близко не подпускала к тайникам своей души.

Впрочем, ее последнее увлечение, Светлана Мелехова, в некотором роде была исключением из правил. То ли ледяная броня, которой Алина окружила свой внутренний мир, дала, наконец, трещину, то ли она устала от роли снежной королевы, но со Светланой у нее сложились более длительные и, что необычно, более доверительные отношения.

На лицо девушки набежала тень. Сегодня даже зачарованные пущи не могли надолго отвлечь ее. Алина Баркова была серьезно озабочена: мысли ее крутились вокруг одной проблемы, которая волновала ее все больше и больше и настойчиво требовала решения. Вроде бы, откуда могут взяться серьезные проблемы у красавицы-дочери миллиардера? Но проблемы существовали. И источниками их, как ни странно, были именно отец и его деньги. Алина редко позволяла эмоциям влиять на свои решения. Ее ум просчитывал варианты на много ходов вперед. Как-то один из знакомых ее отца, пообщавшись с ней немного, заметил, что с ее интеллектом Алина могла бы стать блестящей шахматисткой. Но шахматы девушку не интересовали

ни в малейшей степени: ее не привлекали отвлеченные задачки для упражнения ума, не сулящие никакой реальной выгоды.

А решение проблемы, над которой она сейчас размышляла, могло в перспективе обеспечить ей получение всего отцовского состояния. Нельзя сказать, что Алина не любила отца. Любила, но по своему, чувствуя в нем родственную душу. Но если отец свое хладнокровие и расчетливость распространял на всех, кроме нее, то любимая дочь для него такого исключения не делала.

– О чем задумалась, красотка? – одновременно с этим вопросом чьи-то нежные руки обняли ее за талию.

– И чего тебе не спится, Света? – с улыбкой отозвалась Алина вопросом на вопрос.

Светлана положила подбородок ей на плечо:

– Стало холодно одной. Однако, ты мне не ответила.

Алина повернулась к ней:

– Думаю, мне придется выйти замуж.

– Что?! – Светлана даже отстранилась. – Почему вдруг? Что-то случилось?

– Дело в моем отце. Он такой...

– Знаю, слышана. Но раньше тебя это не смущало.

– Ты хоть приблизительно представляешь, что будет, если он о нас узнает?

– Разве это новая проблема? – Светлана прикурила сигарету и нервно затянулась. – Почему это тебя так озаботило именно сейчас?

– Отца одолевают мысли о будущем. Последнее время он стал каким-то встревоженным, много говорит о наследстве, о продолжении рода. Как ты понимаешь, в этом смысле, я – его единственная надежда, так как мой старший брат погиб при Катаклизме вместе с мамой. Отец уже не раз намекал, что неплохо бы мне найти мужа. Боюсь, что в противном случае он лишит меня наследства.

– Ну, и кому все оставит? – хмыкнула Светлана. – Эдемита?

– Зря иронизируешь, – с досадой сказала Алина. – Выбор у него есть. Видишь ли, он уже давно состоит в близких отношениях со своим коммерческим директором, Анной Берестовой, и у них, кажется, есть ребенок.

– Вот это да!

– Только ты – никому! Отец тщательно скрывает этот факт: даже шеф службы безопасности и его ручной адепт не в курсе. Я узнала случайно, возможно потому, что отец хотел, чтобы я знала. В общем, как ты понимаешь, угроза потерять состояние весьма реальна, особенно, если он узнает про нас.

– Будем осторожнее.

– Этого мало. Мне нужен муж. Покладистый, безумно влюбленный, полностью от меня зависимый и при этом не задающий лишних вопросов и не замечающий тебя.

– Ничего себе запросики! И ты всерьез надеешься найти такое сокровище?

– Кажется, я его уже нашла. – Алина загадочно улыбнулась.

– И кто же он?

– Он работает бухгалтером в компании моего отца и по уши в меня влюблен, это видно сразу. Мне достаточно пальцем поманить, и он – у моих ног. А если добавить немалые деньги, которые ему достанутся в дополнение ко мне, то бухгалтер согласится на любые мои условия. Одного боюсь – как бы бедняга умом не тронулся от такого подарка судьбы.

– Но это же мезальянс! Твой отец никогда...

– А я скажу, что он – моя большая любовь. Папочка настолько бредит продолжением рода, что проглотит это.

– Скорее, он проглотит твоего бухгалтера, предварительно наняв частного детектива, чтобы проследить за вами обоими.

– Значит, поиграем в театр. Нам с тобой лучше некоторое время не встречаться, – буду работать на легенду.

– Ты, похоже, все продумала...

– Я всегда все продумываю. За реализацию плана примусь прямо с завтрашнего дня.

– С завтрашнего?

– Да. А сегодня, раз уж ты проснулась...

Светлана понимающе улыбнулась и привлекла Алину к себе.

* * *

«Так, амортизация оборудования 200 тысяч, транспортные расходы... Дима, мы не пойдем на праздник, останемся с тобой... Даже не думайте! Идите, развлекайтесь!.. Черт, не думай об этом! Сосредоточься на работе. Дебет, кредит, сальдо – вот и все, о чем тебе надо думать! Так, 200 тысяч, транспортные расходы... Безумный адепт устроил магический взрыв на площади Примирения... Они живы?... Нет. Никто не выжил. Мне очень жаль... Прекрати, Дмитрий: так и свихнуться недолго! Работа, только работа! Транспортные расходы...»

* * *

Селена с легким интересом смотрела на троих людей и одного дроу, решившихся пойти на контакт с ней. Люди редко обращались к инферам за помощью в решении своих проблем, так как те, обычно, запрашивали за свои услуги непомерно высокую цену, сбить которую или обмануть инфера при расчете было абсолютно невозможно. Эти же все-таки отважились. Значит, либо они в отчаянном положении, либо обладают средством диктовать ей свои условия (или думают, что обладают). Селена обворожительно улыбнулась нанимателям и уселась в кресло, грациозно закинув ногу на ногу. Как и большинство инферов-убийц, она предпочитала человеческий облик, естественно сделав его предельно соблазнительным. В данном случае это было ее излюбленное обличье – платиновой блондинки с фигурой, которая несомненно заставила бы побледнеть от зависти всех моделей журнала «Плейбой». Впрочем, при необходимости, она могла поменять его на любой другой без малейших проблем.

– Итак, я вас внимательно слушаю, господа... и дама, – добавила она после легкой паузы, как будто только сейчас заметив единственную женщину среди нанимателей. – Надеюсь, вы не даром потратите мое время.

– Мы предлагаем вам контракт на высвобождение пяти душ, – откашлявшись, начал мужчина средних лет, очевидно, главный среди них. – Способ высвобождения нас не интересует, и души можете забрать себе.

– Какая щедрость! – усмехнулась Селена. – К вашему сведению, господа, души в подобных контрактах сами собой разумеются и в оплату не входят. А она идет дополнительно.

– Чего же вы хотите в качестве гонорара? – Видно было, что наниматель боится услышать ответ.

– М-м-м... надо подумать. Кажется, у меня есть идея, – сообщила Селена, выдержав приличествующую паузу. – Мне нужны два эдемических амулета, которые носят усмирители.

– Что?! – Женщина, похоже, потеряла самообладание.

– Вас что-то не устраивает? – осведомилась Селена, смерив ее презрительным взглядом.

– Но... как мы их добудем?

– Это ваши проблемы. Неужели вы рассчитывали, что я буду работать бесплатно?

– Мы... решим этот вопрос, – произнес главный.

– Конечно, – спокойно сказала Селена. – Надеюсь, вы не станете делать глупостей и не попытаетесь надуть меня?

Недвусмысленная угроза, прозвучавшая в этом вопросе, заставила измениться в лице всех, кроме дроу. Он продолжал спокойно изучать наемницу своими бесцветными глазами. Спокойствие темного эльфа, в котором Селена сразу же определила адепта, понемногу начало ее раздражать. Похоже, у этого типа был какой-то козырь в рукаве, и с ним следовало соблюдать осторожность. Ничего, с этой проблемой она разберется в свое время.

– Ну что же, если мы достигли согласия по всем вопросам, вам остается только выдать мне информацию о моих... подопечных, и подписать договор. – В руке инферийки сам по себе материализовался лист бумаги.

– Договор?! – изумился дроу, и Селена с удовлетворением отметила, что ей удалось-таки вывести его из равновесия. Что бы там ни было у адепта в резерве, такого развития событий он, похоже, не предусмотрел.

– Да. Типовой договор с инфером-наемником. Кто-кто, а вы, дроу, должны это знать.

– Но к нему уже давно не прибегали!

– Но никто его и не отменял.

– Я так понимаю, – вмешался в разговор до сих пор молчавший третий мужчина, – с помощью этой бумаги вы хотите получить средство давления на нас.

– Средство давления? – усмехнулась Селена. – Когда я начну давить на вас, вы сразу почувствуете. И договор тут ни при чем: не в моих интересах обнародовать эту бумагу в Пандемониуме. Вот он, – инферийка кивнула на дроу, – знает, почему. Это – документ для предъявления в Нижнем мире, если что-то вдруг пойдет не так.

Произнося последнюю фразу, она в упор взглянула на адепта, которого, наконец, проглянула: он побледнел.

– Итак, договор, – продолжала Селена. – Давайте фотографии тех, о ком я должна позаботиться, и скажите их имена.

– Вот, – главный протянул ей пять фотографий, – имена и адреса на обороте.

Селена провела рукой по фотографиям с обеих сторон, а затем – по договору. Фотографии и имена жертв таинственным образом перешли на бумагу.

– Так, теперь ваши имена и подписи.

– Кровью? – фыркнул главный.

– Фу, как вульгарно! – поморщилась Селена. – Достаточно будет приложить большой палец правой руки к бумаге рядом с вашим именем. Ну, кто первый?

После паузы вперед вышел главный:

– Полагаю, придется мне. Я – Андрей Барков. – Он написал свое имя внизу под договором и приложил палец.

Поколебавшись, его примеру последовали остальные. Анна Берестова шла последней. Она была бледна, как полотно.

– Вот и отлично, – резюмировала Селена, свернув договор в трубочку. – До скорой встречи! Позаботьтесь о моем гонораре!

С этими словами она дематериализовалась.

* * *

– Насколько я понимаю, – начал Барков после того, как гостя из Нижнего мира покинула их, – этот договор может создать нам проблемы?

– Если мы попытаемся оказать давление на наемницу, – ответил Дейт Лостран, – и если у нее будет возможность показать его Совету Высших, мы пожалеем, что не умерли в младенчестве.

– Вот как?! – с истерическими нотками в голосе вмешалась в разговор Анна. – И это называется «все под контролем»?! А каким образом вы собираетесь добывать эдемитские амулеты?!

– Успокойся, Аня! – резко бросил Барков. – Мы не будем их добывать, а с убийцей разберемся, когда она сделает свое дело.

– Убить инфера?! Но...

– Мы не можем добыть эдемитские амулеты, и давить на убийцу тоже не можем, зато можем попытаться уничтожить ее. По-моему, выбор очевиден. Дейт, насчет нераспространения договора в Пандемониуме она не солгала?

– Нет, – ответил Лостран. – Если о нем узнают эдемиты, они, используя эту бумагу как повод, перекроют инферам доступ в зону своего влияния, то есть в Пандемониум. Тогда инферам останется либо начинать большую войну, либо утереться. Уверен, они постараются, чтобы этот мир никогда не узнал о нашем договоре.

– А копию для Совета Высших она может сделать?

– Теоретически, да. Но полагаю, она слишком уверена в том, что подавила и запугала нас. Излишняя самоуверенность всегда была отличительной чертой инферов.

– Тогда зачем она вообще затеяла эту бодягу с договором?

– Эта, вероятно, осмотрительнее других, но вряд ли допускает возможность того, что мы попытаемся убить ее.

– И в этом случае...

– Полагаю, если мы сработаем достаточно оперативно, договора не увидит никто.

– Надеюсь, ты прав. Ладно, дамы и господа, все свободны. Дейт, коридор!

* * *

Масленный взгляд Проханова, которым он словно ощупывал ее фигуру, раздражал Алину, но к сожалению, пока она нуждалась в этом человеке.

Они сидели в маленьком и довольно непрезентабельном кафе, куда она, не будь в том необходимости, в жизни бы не пошла. Но это заведение имело одно непререкаемое достоинство – здесь вряд ли могли появиться ее знакомые.

– Итак, – нетерпеливо сказала девушка, – вы сообщили, что у вас есть новости. Излагайте быстрее, у меня мало времени.

– Хорошо, – детектив полез в сумку за бумагами, – вот его адрес и телефон. Теперь – подробности его частной жизни. До недавнего времени в ней не было ничего особо примечательного. Это я пересказывать не буду: вы все найдете в моем отчете. Перехожу сразу к самому интересному. Две недели назад, как раз накануне Дня Единения, по пути с работы домой он был атакован кантардским иглокрылом, получил несколько игл в шею и в бок, но, как ни странно, выжил.

– Правда?! – изумилась Алина. – И каким же образом?

– Мне это тоже показалось интересным. Но так как его делом занимались усмирители, получить точные сведения об этом я не смог. Однако, по слухам, у него было запрещенное оружие – пистолет с разрывными пулями, и он в последний момент успел пустить его в ход, разнеся башку этой твари. Его самого, полностью парализованного, подобрал патруль усмирителей и доставил в больницу.

– И не арестовал?

– Видите ли, – усмехнулся Проханов, – усмирители на простое оружие смотрят сквозь пальцы. Вот если заметут с чем-нибудь магическим, тогда – хана! Обычная полиция его, конечно, задержала бы: им-то делать нечего, кроме как ловить воров и мошенников, да еще

наказывать за огнестрельное оружие. В общем, вполне вероятно, что усмирители ограничились только изъятием пистолета и погрозили ему пальцем.

– Да-а-а, интересная история, – протянула Алина.

– Дальше будет еще интереснее. В больницу, как вы помните, он загремел накануне Дня Единения, то есть вынужден был его пропустить. А его родители, убедившись, что с сыном все будет в порядке, все-таки пошли на праздник. По словам медсестры из больницы он сам уговорил их не отменять гуляние. Вы ведь помните, что случилось в этот день на площади Примирения?

– Еще бы! Это трудно забыть... Погибло столько народу.

– И среди них – родители нашего героя. Они были в тот момент на площади.

– Боже мой, бедняга! Представляю, как он страдает.

– Вы собираетесь его утешать? – ехидно поинтересовался Проханов.

– Не ваше дело, – отрезала Алина. – Вы хорошо поработали. Вот гонорар. – Она подтолкнула к нему конверт.

– Здесь больше, чем мы договаривались, – сказал детектив, пересчитав.

– Надбавка за конфиденциальность. Надеюсь, у вас нет копий отчета?

– За кого вы меня принимаете?

Алина только усмехнулась, взяла сумочку и покинула кафе.

Глава 4

Убийца за работой

Ашот Сатаров выпил рюмку коньяка и закусил лимоном. Настроение у него было хорошее: все шло так, как он планировал. Еще немного – и его власть и влияние как в Синдикате, так и вне него, возрастут неимоверно, да и деньги потекут рекой и напрямик в его карманы.

– Ну что, Шамиль, отпразднуем! – обратился Сатаров к своему помощнику, Шамилю Корбаеву. – Не каждый день удастся поставить на колени транснациональную корпорацию! Сегодня мне звонил Барков. Он хочет встретиться с Большой Пятеркой. Стрелка назначена на послезавтра.

– Думаете, он примет наши условия?

– Куда он, на фиг, денется? – презрительно бросил Сатаров, наливая себе вторую рюмку. – Воевать с Синдикатом у него – кишка тонка!

– Я не так в этом уверен. Мне известны его возможности. Они... впечатляют. Если начнется война...

– Да ладно тебе, Шамиль! – отмахнулся Сатаров. – На войну он не решится, слишком дорожит своей шкурой!

– А если стрелка – западня?

– Ерунда! Он не полный идиот. Ты хоть представляешь, сколько там будет наших ребят? Да и магическое прикрытие организуем на уровне. Нет, он не рискнет. Все на мази, Шамиль. Выпей и успокойся, – он налил Корбаеву коньяка. – Ты в моем доме, а здесь безопаснее, чем в сейфе: 30 бойцов охраны и два адепта... Да расслабься ты! Сейчас я вызову Ингрид. Она прихватит подражку и для тебя. Тебе шведки нравятся?

* * *

Гралл сканировал окрестности особняка Сатарова с неослабевающим вниманием. Раса орков, к которой он принадлежал, была непопулярна в Пандемониуме из-за своего неуживчивого и злобного нрава, а также большого количества среди них террористов и бандитов всех мастей. И хотя эдемиты пропагандировали расовую терпимость и равенство, раса орков была «менее равна», чем другие. Орков неохотно брали на работу, зато очень часто нанимали в качестве боевиков, что отнюдь не способствовало снижению процента преступников среди них. Трудоустройство Гралла, однако, стояло особняком в этом ряду. Дело в том, что он был адептом, а среди орков это достаточно большая редкость.

Познакомились они с Сатаровым два года назад во время нашествия тварей из Кантарда. Криминальный авторитет оказался там случайно, когда прорыв еще только начался. Гигантский урс, кошмарная помесь медведя с волком и рептилией одновременно, опрокинул машину Сатарова. Водитель погиб на месте, а сидевший на переднем сиденье телохранитель пережил его не более, чем на минуту: взбесившееся от запаха крови чудовище снесло ему голову с плеч, едва парень выбрался из машины. Сатаров и Шамиль, сидевшие на заднем сиденье, неминуемо разделили бы его печальную судьбу, если бы не случайно оказавшийся поблизости Гралл. Орк запустил прямо в морду зверя мощный огненный шар. Убить урса это не смогло, так как тот обладал некоторой природной устойчивостью к магии, но шар ослепил его и причинил нешуточную боль. Урс, подобно большинству диких зверей, боялся огня, и поэтому, получив такой отпор, поспешно ретировался, издавая громкий злобный рев.

После этого случая Сатаров взял Гралла под свое крыло, щедро ему платил и ни разу не пожалел об этом: орк служил ему верно и преданно.

Сейчас Гралл, на пару с другим адептом Сергеем Тороповым, занимался обеспечением безопасности Сатарова в его загородном особняке. Работа, что называется, непыльная: страх перед Синдикатом был весьма велик, и мало находилось безумцев, готовых бросить вызов одному из пяти больших боссов этой организации. Все было вроде бы в порядке, но Гралл решил еще раз для очистки совести проверить весь периметр.

Внезапно в дальнем углу парка на пределе магического зрения орка мелькнула какая-то тень, а точнее, мимолетное замутнение восприятия, как от капли дождя на окуляре бинокля. Другой бы списал все на обман зрения от напряжения и забыл бы об этом, но только не Гралл. Чувство ответственности у него было развито необычайно сильно для орка. Каков бы ни был его босс, он поклялся служить ему верой и правдой и нарушать это обещание не собирался. Вернувшись своим сверхзрением к тому месту, где видел тень, он вновь заметил легкое искажение в сканирующем поле. Только начал внимательно присматриваться, как в тот же миг вспышка ярко-белого света ослепила его, полностью лишив и магического, и физического зрения. Вскрикнув от боли и схватившись за глаза, он пошатнулся. Конечно, Гралл мог с помощью магии вернуть себе зрение через некоторое время, но вот времени-то как раз у него уже не было.

Другой адепт, Торопов, обернулся как ужаленный и на мгновение растерялся, увидев корчившегося от боли Гралла. Это мгновение и решило его судьбу: туманная фигура с арбалетом в руках материализовалась в углу комнаты, и дезинтегрирующий болт, легко пронзив магический экран, наспех выставленный адептом, оборвал нить его жизни. По-прежнему ничего не видящий Гралл почувствовал смерть Торопова и присутствие агрессивной магической сущности в комнате. Он понимал, что через мгновение тоже умрет, а потому сделал единственно возможное: отчаянно закричал в телепатическом диапазоне, направив пси-луч в сторону комнаты, где сейчас находился Сатаров: «Босс, тревога!». Окончательно материализовавшаяся Селена (а это была она) разумеется, услышала этот крик и выругалась про себя. Будь у нее время, она прикончила бы проклятого орка медленно и мучительно. Но времени не было, и потому он умер незаслуженно легко и быстро, превращенный в пыль дез-болтом. Однако, стоило поторопиться: тревога поднята, и вот-вот на ее пути встанут десятки боевиков. Она, конечно, с ними справится, но подопечный под шумок может смыться...

* * *

Когда в его голове загремел телепатический вопль Гралла, Сатаров как раз пил коньяк и с перепугу чуть не поперхнулся. Выругавшись, он вскочил и бросился столу за пистолетом: насколько он знал Гралла, тот зря кричать не будет.

– Что случилось? – всполошился Шамиль.

– Нападение.

– Кто?!

– Откуда я знаю?! – огрызнулся Сатаров. – Адепт подал сигнал.

Он схватил мобильник и заорал в трубку:

– Риваз! Все ко мне! В доме убийца!

– Так значит, безопаснее, чем в сейфе? – пробормотал себе под нос Шамиль и метнулся к двери, которая открылась ему навстречу.

В комнату ввалились двое ближайших телохранителей Сатарова.

– Вовремя, ребята! – окрысился на них Шамиль. – Верните мне пушку!

Громилы, было, замялись, но Сатаров прикрикнул:

– Верните ему! Сейчас каждый ствол на счету!

Шамиль радостно схватил протянутый ему пистолет и, передернув затвор, обернулся к Сатарову:

– Атака магическая?

– Похоже на то, – буркнул тот, и, повернувшись к телохранителям, рявкнул – Ставни, идиоты!

Те ринулись выполнять распоряжение, когда в дверях появилась изящная фигура Селены.

* * *

Шамиль краем глаза заметил какое-то движение в дверях и молниеносно метнулся под прикрытие дивана, успев однако увидеть, что в руках убийцы, молодой привлекательной женщины в черном облегающем комбинезоне, сами по себе появились два «узи».

Загремели автоматные очереди, в считанные мгновения скосившие Сатарова и его телохранителей. Убийца для гарантии выпустила еще очередь прямо в лицо Сатарову, превратив его в кровавую кашу. Она не смотрела в сторону Шамиля, и тот решился на отчаянный поступок: высунулся из-за дивана и дважды в нее выстрелил. Но, к его немалому изумлению и ужасу, обе пули миновали цель: убийцы уже не было в том месте, куда он целился. Скорость ее движений была просто фантастической. Шамиль только начал поворачиваться, когда она ударом ноги выбила у него оружие, а вторым ударом отправила в нокдаун.

Как в тумане Шамиль увидел приближающуюся к нему воплощенную смерть.

– Постой! – прохрипел он в отчаянии. – Я тебе пригожусь! Тебе нужна Большая Пятерка? Я сдам их с потрохами: все их берлоги, схроны и квартиры любовниц! Все!

Смерть на мгновение задержалась, изучая его лицо, а затем, усмехнувшись, покачала головой:

– Сама узнаю, так интереснее! – и прогремела еще одна очередь.

* * *

Алексей Жбанников, известный в определенных кругах под кличкой Жбан, ждал своего босса Сергея Бочарова около дома, который тот снимал для своей любовницы Марины. Охранять Бочарова была та еще работа. Дело в том, что босс абсолютно не доверял адептам и не держал их в штате, что в век смешения магии и технологии было довольно большой глупостью. Его еле удалось уговорить приобрести защитный амулет, но все равно Жбан чувствовал себя как на иголках, каждую минуту ожидая магической атаки, отразить которую ни он, ни другие охранники Бочарова были просто не в состоянии. Пока выручал только страх перед властью и влиянием Синдиката.

Упертость Бочарова безумно раздражала Жбана, но приходилось терпеть. К сожалению, он был всего лишь телохранителем, так что, в случае смерти босса, занять его место ему не светило. Да и сама его судьба оказывалась под большим вопросом, так как неизбежно началась бы борьба за власть. Жбана, с точки зрения надежности, гораздо больше устраивал глава чеченской группировки Ашот Сатаров. Поэтому, желая обеспечить себе прочный тыл, он тайно завязал знакомство с Зелимханом Ахмедовым – одним из бойцов Сатарова, охраняющих его особняк. Тот был не дурак выпить, и они быстро нашли общий язык. Пару раз они защищали друг друга в драках, а однажды Жбан даже спас Зелимхану жизнь, вырубив обкуренного типа, собиравшегося ткнуть тому ножом в спину. Они договорились, если что, составить друг другу протекцию перед своими боссами, так что путь для отступления у Жбана был. И все же каждый раз, когда Бочаров выезжал из своего хорошо защищенного дома в поездки, подобные этой, Жбан нервничал.

Звонок мобильного телефона заставил его подпрыгнуть.

– Да? – произнес он в трубку.

– Жбан? – По голосу Зелимхана был ясно, что он здорово напуган. – У меня проблемы. Сатарова замочили!

– Да ты что?! – Новость была из разряда «обухом по голове». Жбан был уверен, что уж Сатарова-то убрать будет сложнее всего, поэтому и выбрал его в качестве страховочного варианта. – Кто?

– А, черт его знает! Похоже, это был не человек: здесь форменная бойня – четыре трупа, а от двух адептов – только кучи пепла на полу!

Жбан от души выругался, – все его планы рушились. К тому же становилось страшно за собственную жизнь. Если этому супер-убийце не хватит чеченца и он займется остальными...

– Слушай, Жбан, будь осторожен: боюсь, что на Большую Пятерку открыта большая охота. А значит, придут и за твоим!

– Думаешь, Барков? – Хотя Бочаров и считал Жбана тупым громилой, тот таковым отнюдь не являлся и был в курсе конфликта Синдиката с «Барков Энтерпрайзес». Аналогичными познаниями отличался и Зелимхан, поэтому сразу понял, о чем речь.

– Больше некому, – мрачно подтвердил он, – других врагов такого уровня у Сатарова не было. Ладно, мне пора! Повнимательней там.

Мгновение поколебавшись, Жбан набрал номер Бочарова. Тот, конечно, разозлится, что его отрывают от амурных дел, но услышав такую новость, забудет про все.

* * *

Марина грациозной походкой удалилась в ванную. Проводив ее плотоядным взглядом, Сергей Бочаров откинулся на подушку. Черт возьми, девица действительно стоила тех денег, которые он на нее тратил! Зазвонил мобильник. Бочаров раздраженно покосился на него:

– Какого дьявола?! Нигде нет покоя!

Он уж хотел, было, отключить телефон, но передумал: вдруг что-то важное? Нехотя, он нажал кнопку и приложил трубку к уху:

– Да?

– Босс? – голосом Жбана прогудела трубка. – Извините, конечно, за беспокойство, но Сатаров убит.

– Как?! – с Бочарова мигом слетели расслабленность и раздражение.

– Не обошлось без магии, – с некоторым злорадством сказал Жбан. Может хоть сейчас проклятый упрямец согласится нанять адепта?

– Проклятье! Это Барков! Больше некому! – Ярость и страх боролись в душе Бочарова: как и Сатаров, он не верил, что Барков решится воевать с Синдикатом. Выходит, оба они ошибались? И Сатаров уже дорого заплатил за свою ошибку. Надо что-то делать...

Из ванной появилась Марина. Бочаров сделал ей знак подождать, но красotka продолжала приближаться. Он уже открыл, было, рот для гневной отповеди, но язык от ужаса примерз к небу: черты лица Марины поплыли и растворились, открывая другое лицо, – очень красивое, но незнакомое. «Не обошлось без магии» – сказал Жбан. Она – адепт, или... В руке незнакомки внезапно возник пистолет с глушителем.

– О, черт! – успел обреченно выдохнуть Бочаров, прежде чем две пули ударили его в грудь и опрокинули с кровати на пол. Мобильник выпал из его руки и отлетел под стол. Убийца, не спеша, приблизилась. «Надо было нанять адепта», – мелькнула последняя мысль в голове умирающего. Амулет не защищал от обычных пуль... Еще один негромкий хлопок, и второй босс Большой Пятерки оставил этот мир.

* * *

Когда Жбан услышал тихое «О, черт!» Бочарова, а затем негромкие хлопки, до боли напоминающие выстрелы из пистолета с глушителем, он понял, что все кончено. Ему ужасно захотелось броситься бежать прочь отсюда, но охранник понимал, что если сделает это, то станет парией: телохранители, которые бегут, даже не убедившись, что их босс мертв, долго не живут.

Он обернулся к двум своим подчиненным и бросил:

– Давайте за мной!

Зайдя в дом, они достали пистолеты и начали осторожно пробираться вглубь помещения.

– Я проверю наверху, а вы двое оставайтесь здесь! – приказал Жбан и, не дожидаясь ответа, двинулся к лестнице. Если бы он отправил наверх горилл, а сам остался внизу, его бы просто не поняли. Поднимаясь по лестнице, он тихо молился, чтобы убийца, человек или нет, уже скрылся. Он элементарно хотел жить.

Поднявшись на второй этаж, Жбан осторожно осмотрелся, поводя стволом пистолета во все стороны. Он уже сделал два шага по коридору, когда почувствовал какое-то стремительное движение у себя за спиной, на лестнице. Начал поворачиваться, но понял, что катастрофически не успевает. Что-то холодное и острое коснулось его шеи, и Жбан рухнул в лужу хлещущей из перерезанной аорты крови, его собственной крови...

* * *

Дмитрий сидел на корточках, смотрел на два надгробных камня с именами его родителей и ощущал внутри чудовищную пустоту. Единственные близкие ему люди теперь в Серых Пределах. Он остался совсем один в огромном мире, который теперь не мог называть своим, ибо не чувствовал себя дома. Хотя со смерти родителей прошло больше двух недель, щемящая тоска и боль от их потери не уменьшились ни на йоту. Он приложил руку к холодной шершавой поверхности камня с именем матери и прошептал едва слышно:

– Прости меня... Простите меня, вы оба... Лучше бы и я лежал здесь вместе с вами... Зачем мне теперь жить? Пустая и одинокая жизнь... Только ваше присутствие придавало ей смысл. – Слезы навернулись на его глаза – Будь проклята, судьба! Почему не я?!

Охваченный гремучей смесью боли, отчаяния и ярости, он встал и резким движением вытер слезы со щек. В тот же миг, Дмитрий ощутил на себе чей-то внимательный взгляд. Он обернулся и увидел ту, кого меньше всего ожидал здесь встретить: на него с сочувствием и каким-то странным интересом смотрела Алина Баркова. Если бы это произошло месяц назад, его сердце выпрыгнуло бы из груди от волнения и счастья. Но смерть родителей убила в нем способность радоваться. Егохватило лишь на удивление.

– Здравствуйте, – произнес он, не зная, что еще сказать: место и ситуация совсем не подходили для этой встречи.

– Здравствуйте, – ответила она и сделала паузу, как будто что-то припоминая. – Мы ведь с вами уже встречались? Не подскажете, где?

– В «Барков энтерпрайзес». Я там работаю.

– Ну конечно! – ее лицо прояснилось. – Именно там. Я приходила к отцу. Меня зовут Алина. Алина Баркова.

– Очень приятно, – произнес Дмитрий, изображая приличествующее случаю удивление и почтение. – Дмитрий Рогожин.

– Взаимно. А можно узнать, где вы работаете?

– В бухгалтерии, – односложно ответил он, ожидая, что она сразу потеряет интерес к общению с ним, но у нее, по-видимому, были другие планы.

– Ваши родственники? – спросила она, кивнув на надгробные камни.

– Родители. Они погибли две недели назад.

– Погибли?

– Да. Помните теракт на площади?

– О, Боже! Мне так жаль!

Дмитрий кивнул, принимая ее соболезнования. Однако, нужно было как-то продолжать разговор.

– А вы здесь... кого навещали?

– Мать и брата. Они погибли при Катаклизме.

Теперь была уже его очередь соболезновать.

– Я их плохо помню. Мне было слишком мало лет.

– И все же...

– У нас есть кое-что общее, – закончила его фразу Алина. – Знаете, если вы уже уходите, я могла бы вас подвезти.

– Очень любезно с вашей стороны. Спасибо.

– Спасибо – да или спасибо – нет?

– Спасибо, да.

* * *

Верхний мир

Пириэл завершил свой доклад, и в комнате повисло тяжелое молчание. Ему стало неуютно под пристальными взглядами остальных шести эдемитов – участников Совета Высших.

– Значит, засечь источник, из которого почерпнул силы этот адепт, не удалось, – нарушил, наконец, затянувшееся молчание глава Совета Эрестор. – Если это не ваш просчет, то, что же это, позвольте узнать?

– Очевидно, это не обычный источник, – неохотно начал Пириэл. – Его, вероятно, контролирует кто-то равный нам или превосходящий нас по могуществу, способный отклонять наши сканирующие лучи.

– Смелое заявление, – с ярко выраженным сарказмом вмешался в разговор Альтенард. – А много ли вы знаете таких сил во Вселенной?

Пириэл поморщился: Альтенард был его вечным противником на Совете, и глупо было ожидать, что тот не воспользуется таким благоприятным моментом, чтобы клюнуть его. Он уже хотел сказать в ответ что-то резкое, но, к счастью, его опередила Лианэль, единственная женщина среди членов Совета:

– То, что до сих пор никто не рискнул бросить нам вызов, уважаемый Альтенард, еще не значит, что так будет всегда. В принципе, я с ходу могу назвать две силы, способные нам противостоять. Во-первых, инферы...

– Они пока не готовы к войне, – возразил Эрестор, – и нарываться, устраивая провокации вроде этой, не будут.

– Насчет их готовности: мы не можем быть совершенно уверены в том, что это так, а подобные акции вполне в их духе.

– А кто второй? – поинтересовался Тираэл, самый молодой из присутствующих. Ему было всего три тысячелетия.

– Безликие.

– Им-то это зачем? – фыркнул Альтенард.

– Постичь мысли Хозяев Судьбы – задача потруднее, чем отучить инферов питаться душами, – заметил воспрянувший духом от поддержки Лианэли Пириэл.

– К тому же, даже среди Безликих могла появиться властолюбивая крыса, решившая переделать мир по собственному усмотрению, – добавила Лианэль. – А могущества и знаний им не занимать.

– Ладно, – подвел итог обсуждению Эрестор. – У нас слишком мало фактов, чтобы делать какие-то выводы. Нужно провести тщательное расследование. Так как данное... происшествие имело место на территории, подконтрольной уважаемому Пириэлу, предлагаю эту задачу возложить на него. Возражения есть?

Возражений не было.

– Тогда, на этом пока закончим. У меня только одно пожелание, уважаемый Пириэл. Я предлагаю вам задействовать в расследовании эту внимательную эльфийку. Как ее?...

– Аллерия Деланналь.

– Именно. У меня есть предчувствие, что она окажется полезной.

Пириэл склонил голову в знак согласия.

Глава 5

Каладборг и Корона: история ненависти

– Вот я и приехал, – сообщил Дмитрий Алине. – Благодарю, что подвезли, а также за компанию и беседу. Мне это сейчас было очень нужно.

– Не за что, – улыбнулась она. – Я тоже получила удовольствие от нашего общения. Если бы я знала, каких людей можно найти в нашей бухгалтерии, я бы больше интересовалась отцовским бизнесом.

– Вы вгоняете меня в краску.

– А вас можно смутить? Очень хорошо: терминаторы – не мой тип мужчин.

– Позвольте узнать, какой тип ваш?

– О, молодой человек, – рассмеялась Алина, – пожалуй, на этот вопрос я отвечу при нашей следующей встрече.

– Следующей?

– А вы что, против? Нет? Тогда я свяжусь с вами.

– Буду ждать. До свидания. – Дмитрий вышел из машины и направился к своему дому.

– Конечно, будешь, куда ты денешься? – слегка усмехаясь, прошептала Алина, глядя ему вслед. – Ты теперь мой, с потрохами!

Довольная собой, она закрыла дверцу своего роскошного электромобиля и резко рванула с места.

* * *

Когда на экране монитора компьютера Артема Калюжного, начальника аналитического отдела КУ Московского мегаполиса, появился Безликий Серый, он вздрогнул, хотя и ожидал этого. Его кабинет был оборудован новейшей электронной системой, блокирующей наблюдение и прослушивание. Была установлена и магическая защита, так что он мог не опасаться лишних глаз и ушей. Но сам по себе Безликий мог нагнать страху на кого угодно: туманное марево вместо лица под капюшоном длинного плаща вызывало ассоциации с призраками или демонами. Различались Безликие по цвету плащей. Мало кто в Пандемониуме вообще представлял, кто такие Безликие. Те же, кто был в курсе, опасались их могущества, но знали, что злом они не являлись, как, впрочем, и добром. Хозяева Судьбы, как их еще называли, были над этими понятиями, преследовали свои, им одним понятные цели. У них были иные способы воздействия на реальность, недоступные ни эдемитам, ни инферам, и не требующие, как правило, их непосредственного присутствия на месте событий.

Однако, Безликие довольно активно интересовались жизнью Множества миров вообще и Пандемониума в частности. Несмотря на все свое могущество, вездесущими они не являлись, и во многих мирах у них была налажена сеть наблюдателей, набранная из местных жителей. К подобной сети в Пандемониуме принадлежал и Артем Калюжный. Вообще, вербовка наблюдателей среди персонала КУ была весьма рискованным предприятием, так как эдемиты очень болезненно реагировали на вмешательство в сферу их непосредственного влияния, но зато, очень эффективным.

– Надеюсь, у вас есть для меня ценная информация, господин Калюжный, – произнес Безликий Серый. – Я не привык даром тратить время.

- Есть, господин Грэй,³ – Калюжный называл Безликого именно этим именем.
- Вы что-нибудь узнали о местонахождении Короны?
- Пока нет, но всплыл другой артефакт – Каладбург.
- Каладбург? – В голосе Безликого Серого впервые появилось какое-то подобие эмоций. – Вы уверены?
- На сто процентов. Один из адептов нашей сети наблюдателей обнаружил тени его Силы. Их трудно с чем-либо спутать. Ледяная Смерть, и этим все сказано.
- Тут вы правы. Где?
- Где-то в Нордхейме. Точнее пока сказать не могу, там ведь и так везде лед.
- Можно было догадаться, что он появится именно там. У вас что-то еще?
- Да, я проанализировал вероятностные поля вокруг Каладборга и обнаружил, что в Пандемониуме созрели условия для появления Избранного.
- Кого, простите?
- Избранного. Того, кому суждено владеть Каладборгом.
- В голосе Серого отчетливо зазвучало презрение:
- Я был лучшего мнения о вашем интеллекте, господин Калюжный. Избранный – всего лишь сказочка для тупых обывателей. Да будет вам известно, что у артефактов такого уровня, как Каладбург, не бывает хозяев, по крайней мере, среди смертных, а бывают только рабы. Каладбург пожрет душу любого, кто возьмет его в руки и посмеет использовать.
- А как же Дайнард? – рискнул возразить Калюжный.
- Дайнард создал этот клинок. Он вложил в него свою кровь и часть души. Ни один смертный, кроме него, не способен противостоять могуществу Каладборга. Но Дайнард давно мертв.
- Но ведь возможна реинкарнация...
- Душа Дайнарда не подлежит реинкарнации, как и душа создателя Короны Мертвых. Обе они со времени Гибели пяти миров находятся в вечном заточении в Серых Пределах.
- Но если Дайнард смог создать артефакт, способный остановить всю мощь Серых Пределов, его душа вполне могла найти лазейку, чтобы ускользнуть оттуда в реинкарнацию.
- Меня начинает утомлять наш гипотетический разговор, господин Калюжный, – с едва заметным раздражением в голосе произнес Серый. – У вас есть еще что-нибудь, кроме догадок?
- Есть. Нордхейм проник на Землю в пяти местах. И поблизости от четырех из них возникли событийные цепочки, связанные с определенными людьми и способные привести их к Каладборгу. Выкладки вот в этом файле на рабочем столе. Просмотрите и убедитесь сами. Там есть имена и данные на них. Пока не ясно, кто именно – Избранный, но он точно среди этих людей...
- Как вы мне надоели с вашим Избранным, господин Калюжный! Хорошо, я посмотрю ваши наработки. Только прошу не забывать: основная ваша задача – поиски Короны Мертвых. Не сомневаюсь: если на сцене появился Каладбург, то вскоре всплывет и она. Эти артефакты – антагонисты. Как некогда их создатели, они жаждут уничтожить друг друга. Так что ищите Корону, а Избранного и Каладбург предоставьте мне. До встречи...
- Безликий Серый исчез с экрана.

* * *

Междумирье

³ Грэй – от англ. gray – серый (авт.)

Отключившись от компьютера Калюжного, Серый с минуту задумчиво созерцал стену. Его апартаменты в Замке Судьбы скорее напоминали пентхаус какого-то роскошного пятизвездочного отеля на Земле, чем обиталище могущественной магической сущности в Междумирье. Но это могло показаться странным лишь на первый взгляд: Безликие в своей цитадели вертели пространством-временем как хотели и могли придавать своим жилищам любой облик по желанию. Последнее время интересы Серого постоянно обращались к Пандемониуму, поэтому в том, как выглядели его покои, не было ничего удивительного. После долгой паузы Безликий, наконец, повернулся к молчаливой фигуре у окна:

– И что ты об этом думаешь, Тант?

Лич пожал плечами:

– У вашего наблюдателя определенно есть талант к анализу событий.

– В КУ дураков не держат. Но с Избранным он, кажется, заехал не туда.

– Вы не можете быть в этом уверены. С Дайнардом никогда и ни в чем нельзя быть уверенным.

– Ты ведь знал его, не так ли? Ты был, кажется, правой рукой Балендала, создателя Короны Мертвых в войне Гибели пяти миров?

– Именно так, мессир.

– Напомни-ка мне о тех событиях.

– Я думал, Хозяева Судьбы ничего не забывают.

– Я и не забыл! – Серый был слегка раздражен мелькнувшим в тоне лича сарказмом. – Просто я хочу услышать все по порядку в твоём изложении.

– В то время уровень владения магией, как у людей, так и у других рас, был значительно выше, чем теперь, – начал свой рассказ Тант. – Время от времени появлялись настоящие архимаги, не чета нынешним адептам. Некоторые из них превосходили в могуществе даже высших существ. Здесь я говорю не только об эдемитах и инферах, но и о некоторых Безликих.

Если последняя фраза Танта чем-то и задела Серого, он ничем этого не выдал и продолжал слушать.

– Впрочем, некоторые архимаги поменяли свою сущность и переродились в Безликих. Но к этому числу не относились два мага-самородка из мира Фар-Сорн, Дайнард и Балендал. Оба обладали почти невероятным магическим могуществом. Даже удивительно, что Высшие Силы допустили появление двух магов с таким потенциалом в одном мире. Было очевидно, что скоро им станет тесно там вдвоем, а значит, возможно все, вплоть до глобального катаклизма.

– Вы, смертные, плохо понимаете Высшие Силы... даже когда становитесь личами, – прервал его Серый. – В их цели не всегда входит стабильность Множества Миров. К примеру, неужели ты думаешь, что если бы Высшие Силы не хотели допустить Катаклизма, они бы не остановили этого безумного ученого, сломавшего барьеры? Напротив, полагаю, кое-кто из них подбросил ему информацию, как это можно сделать. Информацию, в которую закралась маленькая ошибка. Но ее хватило...

– Вы хотите сказать, что кто-то из Безликих...

– Я хочу сказать только то, что сказал, – отрезал Серый. – Продолжай!

– Итак, архимаги пошли разными путями. Дайнард предпочел стихийную магию, делая упор на воздух и воду, а Балендал окунулся в глубины некромантии. Помимо всего прочего, оба обладали ярко выраженными лидерскими качествами и довольно быстро стали у руля двух крупнейших держав Фар-Сорна. Оба активно начали расширять свои владения, пока не столкнулись друг с другом. Война была неизбежна. Оба это понимали, как и то, что столкнулись с достойным противником. Они начали «гонку вооружений», создавая артефакты невиданной мощи. Балендал, благодаря своей некромантии, довольно много узнал о законах, по которым существуют Серые Пределы. Кроме того, там у него появились сторонники среди тех сущностей, которым надоело, что Серые Пределы являются, по сути, лишь транзитным скла-

дом душ, которые находятся там между реинкарнациями. С их помощью Балендал и создал Корону Мертвых, давшую ему почти неограниченную власть над Серыми Пределами. Дайнард тоже не терял времени даром, только он воспользовался помощью стихийников. Он создал орудие абсолютного разрушения, – ледяной клинок Каладборг, что в переводе с фар-сорнского означает «Ледяная Смерть». Так как оба предельно засекретили свои работы, каждый, создав свой артефакт, посчитал, что получил решающее преимущество, что, естественно, привело к немедленному началу военных действий. Первым начал Балендал. Пользуясь мощью Короны, он призвал под свои знамена полчища мертвых. Однако, численное преимущество и малая уязвимость его войск не принесли ему победы: мощь Каладборга уравнивала силы. Война шла с переменным успехом, пока два архимага не встретились в прямом бою. Столкновение их магии вкупе с магией их артефактов вызвало столь чудовищную реакцию, что мир не выдержал и коллапсировал. Рухнули также барьеры между Фар-Сорном и соседними мирами. Волна уничтожения покатила и туда. Пока бедствие удалось остановить, погибло пять миров, а на их месте возникла гигантская ледяная пустыня, именуемая ныне Нордхейм. Оба артефакта исчезли неизвестно куда, а души их создателей были приговорены к вечному заточению в Серых Пределах.

– А есть способ проверить, находится ли еще душа Дайнарда в заточении?

– Это, скорее, способны проверить вы, чем я.

– Но ты же лич!

– Но я не принадлежу к Внутренней Страже. За попытку проникнуть в зону заточения меня просто распылят. Вы – фигура совсем другого калибра. Они трижды подумают, прежде чем свяжутся с Безликим.

– Пока у меня нет Короны, моя власть в Серых Пределах не так уж велика. А идти напролом и поднимать шум раньше времени мне не хочется.

– Так вы все-таки хотите проверить информацию Калюжного? – поинтересовался Тант.

– Я почти уверен, что он ошибается, но если это «почти» сработает, я не прошу себе, что не проверил.

– Если нет способа проверить присутствие души Дайнарда в темнице, может, стуйт заняться кандидатами в избранные?

– Пожалуй, – Серый извлек из воздуха лист бумаги, провел по нему рукой, и на бумаге появилась информация из файла Калюжного. – Так, посмотрим, Мэри Торнхилл – инструктор по йоге, Алистанус – адепт из Эллезара, Христо Тончев – боец КУ, Дмитрий Рогожин – бухгалтер. Да, разброс довольно большой...

– Только люди? – поинтересовался Тант.

– Да, межрасовая и межвидовая реинкарнация изжила себя. Теперь души крутятся по замкнутому циклу внутри своей расы. Люди вселяются в людей, эльфы – в эльфов, орки – в орков...

– Но что может привести этих четверых к Каладборгу? У них есть что-то общее?

– Есть, – задумчиво сказал Серый. – За ними в последнее время охотится смерть.

– Кто-то из Серых Пределов? – удивился лич.

– Не думаю. Зачем им это? Видит Создатель, души и так туда поступают бесперебойно: войны, эпидемии, преступность... Нет, скорее всего это Силы стабильности Множества Миров хотят устранить потенциальную опасность...

– Если только это не совпадения.

– Мой многовековой опыт в качестве Хозяина Судьбы убеждает меня, что практически за каждым «случайным» совпадением кто-то или что-то стоит.

– Значит, опасения вашего сотрудника по поводу Избранного имеют под собой основание?

– Не факт, что это связано именно с Избранным. Они могут представлять какую-то иную опасность.

– Однако, то, что они живут поблизости от мест проникновения Нордхейма на Землю, внушает подозрения.

– Да, но что толку гадать? Факт лишь в том, что они пока достаточно удачно избегают объятий смерти.

– Судьба...

– Судьба?! – прошипел Серый, и Тант даже поежился под жестким взглядом невидимых глаз Безликого. – Ты намекаешь, что кто-то из моих братьев работает против меня?

– Я просто хочу сказать, – осторожно произнес лич, – что, может быть, этим людям кто-то помогает избежать смерти.

– Если бы в ордене знали о моих планах, то сразу же попытались бы уничтожить меня, а не вели такую тонкую игру, – задумчиво сказал Серый. – Если же они чувствуют опасность, но не знают, откуда она исходит... Да, пожалуй, ты прав: в этом случае они могли попытаться превратить кого-то из этих четверых в оружие «на всякий случай». Это вполне в стиле, скажем, Белого или Синего. Вот что, у меня появилась идея. Выдели на это дело какого-нибудь лича потолковее. Кстати, обращение этого... Анкорнуса, оказавшего нам услугу во время Дня Единения, уже завершено?

– Да.

– Отлично, пусть он и займется проверкой этого списка. – Серый отправил бумагу Танту по воздуху. – Пускай проверит их и попытается убрать, а я понаблюдаю. Если им кто-то покровительствует, он вынужден будет раскрыть себя...

– Да, мессир.

– А по поводу Каладборга... сколько орочьих кланов работают на нас?

– Несколько десятков.

– Организуй прочесывание всех секторов Нордхейма в Пандемониуме и блокируй, по возможности, доступ туда местных жителей.

– Шум поднимется, – недовольно проворчал Тант.

– Из-за орков? – презрительно фыркнул Серый. – К их выходкам все уже привыкли. Если не будет хватать орков, в группы прочесывания можешь включать подконтрольную нежить, но не в блокирующие группы, а то из-за нежити шум действительно может подняться. Как только Каладборг найдется, пусть осторожно завернут его в тряпье и принесут в наш схрон, – я его вскоре заберу.

– Вы собираетесь его использовать?

– Нет, пока спрячу, чтобы не достался другим. Для моих целей больше подходит Корона, а вместе их использовать нельзя. Каладборг будет резервным вариантом.

– Понятно. Мне можно идти?

– Еще одно, Тант...

– Я вас слушаю.

– Надеюсь, ты не сделаешь такой глупости и не попытаешься завладеть Каладборгом? – вкрадчиво, с угрозой произнес Серый. – Помни, твоя плоть, дающая тебе возможность существовать, полностью в моей власти. И никакой артефакт этого не изменит.

– Я помню, мессир.

– Вот и хорошо, ступай.

Лич неслышно растворился в воздухе.

* * *

– Интересно, почему нас перевели из патруля на детективную работу? – поинтересовался Долохов у Аллерии. – Видно, кто-то очень важный составил тебе протекцию.

– Или тебе, – парировала Аллерия.

– Мне? – усмехнулся он. – Кому мог понадобиться сорокалетний боец, выходец из рабочей семьи? Думаю, продвинуть решили тебя, перспективного адепта, а меня зацепили уж так, заодно.

Эльфийка молча пожала плечами. Возможно, он прав, но ей было все равно. Главное – детективная работа, а почему, зачем – так ли это важно? Они с Долоховым недавно вернулись с места убийства Сергея Бочарова. Аллерия была шокирована: два больших босса Синдиката за один день, – это было что-то! Они считались почти неприкосновенными. Даже КУ мирился с их существованием, пока не накопятся факты для их ареста... А копились они очень медленно. И вот два босса всемогущего Синдиката мертвы, а значит, появилась сила, способная ему противостоять. Аллерия испытывала по этому поводу смешанные чувства. С одной стороны, Сатаров и Бочаров явно получили по заслугам, а с другой, она сама недавно говорила Дмитрию Рогожину, что нельзя бороться с насилием с помощью ответного насилия... Она еще раз порадовалась тому, что Долохов рядом. От этого человека просто веяло спокойствием и надежностью. А теперь, когда события вокруг нее приобретали все более зловещую окраску, это было для нее особенно важно.

Сейчас они шли на совещание к Алексею Владимировичу Беркутову, начальнику КУ Московского мегаполиса, и не ждали для себя ничего хорошего: серьезных версий у них пока не было. Все свидетели либо действительно ничего не знали, либо умело притворялись несведущими.

Войдя в кабинет и поздоровавшись, они в удивлении замерли: кроме обычных участников совещания, в комнате находилась еще одна личность, доселе им совершенно не известная. Незнакомца окружала такая аура власти и могущества, что в нем безошибочно можно было определить представителя высшей расы. А рентгеновский взгляд его похожих на кошачьи холодных глаз, которым он встретил вошедшую Аллерию, только подтвердил ее догадку, что перед ней эдемит.

– Дамы и господа, – начал совещание Беркутов, – представляю вам нашего высокого гостя, члена Совета Высших эдемитов уважаемого Пириэла. Он будет присутствовать сегодня на нашем совещании, а потом, вероятно, побеседует с кем-то из вас лично.

Аллерию охватил благоговейный трепет. Эльфы всегда почитали эдемитов и преклонялись перед их могуществом, и вот впервые в жизни ей пришлось увидеть одного из них воочию.

– Главный вопрос на повестке дня сегодняшнего совещания, – продолжал между тем Беркутов, – убийство двух главарей Синдиката Ашота Сатарова и Сергея Бочарова. Сначала заслушаем старшего следователя по этому делу, Кирилла Андреевича Потанина, а затем поговорим с нашими оперативниками, работавшими на месте преступления, Олегом Долоховым и Аллерией Деланналь.

– Информации, прямо скажем, немного, – начал свой доклад Потанин. – Синдикат, как вы знаете, весьма закрытая организация. Они крайне неохотно идут на контакт, и может сложиться впечатление, что это их внутренние разборки, смена власти. Но, во-первых, слишком грубо сработано: своих они обычно убирают тихо и незаметно, а тут – форменная бойня. А во-вторых, как вы знаете, Сатаров и Бочаров были членами так называемой Большой Пятерки. Я навестил остальных... гм... руководителей Синдиката, входящих в нее. Они, конечно, молчат как партизаны, но выглядят весьма... напуганными. Вряд ли они так реагировали бы на свои внутренние дела.

– Да, фактов маловато, – заключил Беркутов. – Есть ли хоть какая-нибудь информация о том, что за враг мог появиться у Синдиката?

– Пока никаких данных нет. Да и трудно было ожидать иного: если Синдикат решил работать с кем-то, или его интересы пересеклись с другой организацией, вряд ли они будут кричать об этом на каждом перекрестке.

– Но это пока единственное направление, в котором можно работать, – сказал Беркутов, – так что продолжайте искать их партнера или конкурента. А теперь давайте заслушаем доклад оперативников. Господин Долохов?

– Я, пожалуй, начну со второго убийства, – произнес Долохов. – С ним все проще. Бочарова убили в доме, который он снимал для своей любовницы Марины Соболиной. Телохранители охраняли все двери. Туда никто не входил. Дом также проверили визуально, но никого не обнаружили. Бочаров не пользовался услугами адептов, так что магическое сканирование не проводилось.

– У него, правда, был амулет, – вставила Аллерия, – довольно неплохо защищающий от магического воздействия, но, как выяснилось, не от обычных пуль.

– Убийца либо был уже в доме и укрылся от людей Бочарова с помощью магии, либо магическим же образом проник туда после осмотра, – продолжал Долохов. – Он выждал немного, затем убил Марину Соболину и Бочарова. Телохранитель Бочарова, Алексей Жбанников, которого, очевидно, что-то встревожило, позвал с собой еще двоих и пошел наверх проверить. Убийца перерезал ему горло и скрылся, неизвестным способом миновав и двоих телохранителей, находившихся внизу, и тех, что остались снаружи.

– Нашли следы применения магии? – оживился заскучавший, было, старший адепт Лестер.

– Нет, – ответила Аллерия. – Прошло слишком много времени. А так как энергозатратная и боевая магия не применялась, то и следов не осталось. Единственная магия, которая, возможно, там использовалась – это телепортация.

– Вы хотите сказать, пространственный коридор? – уточнил Лестер.

– Нет, от него бы остался след. Именно телепортация.

– Любопытно, мало кто из адептов в Пандемониуме владеет этой магией. – Лестер покопался на Пириэла, но тот никак не отреагировал на слово «телепортация».

– С этим убийством все, – сказал Долохов. – Теперь о Сатарове. Там все намного сложнее. Он организовал свою защиту по полной программе. На него работали два адепта, а его особняк – это небольшая крепость, охраняемая почти тремя десятками бойцов. Но все это не помогло Сатарову: убийца прошел через все линии защиты как нож сквозь масло, причем его не видел никто, кроме тех, кто стал его жертвами. Он изрешетил автоматными очередями Сатарова, его ближайшего помощника Шамиля Корбаева и двух телохранителей.

– А что с адептами? – поинтересовался Лестер.

– Они уничтожены. От них осталось только две кучи пепла.

– Вот как? Это уже серьезно! Боевая магия? – обратился старший адепт к Аллерии.

– Да, но определить ее я не смогла.

– Не смогли?

– Да. Это какая-то неизвестная магия, до предела насыщенная смертью и разрушением.

– И что вы по этому поводу думаете? – впервые вмешался в разговор Пириэл. Его глубокий баритон сразу привлек всеобщее внимание, и даже Лестер, который собирался накинуться на Аллерию с вопросами, замолчал.

– Полагаю, – Аллерия откашлялась, чтобы скрыть волнение, – здесь замешан либо лич, либо инфер-убийца.

Взволнованный гул голосов прервал ее, но стоило Пириэлу начать говорить, как шум мгновенно стих.

– Смелое предположение, – начал эдемит, – но спорное. Со времен Гибели пяти миров личам запрещено покидать Серые Пределы. И, насколько мне известно, они до сих пор не

нарушали этот запрет. Что же касается инферов, – тон Пириэла стал жестким, – у нас уже давно есть подозрения, что они иногда занимаются убийствами по заказу на территории Пандемониума. Нам, однако, ни разу не удалось поймать их за руку. Если вам удастся доказать причастность инфера к этим убийствам, мы сможем с полным правом закрыть представителям Нижнего мира доступ в Пандемониум. Вот только я сомневаюсь в вашем успехе. Инферы, если идут на сотрудничество со смертными, запрашивают совершенно невероятную цену, которая далеко не всегда выражается деньгами. Чтобы заключить контракт с инфером-убийцей, смертный должен либо обезуметь, либо погрузиться в бездну отчаяния. А так как для инфера контракт на убийство на территории Пандемониума также сопряжен с немалым риском, он далеко не со всяким заключит договор. Я никоим образом не хочу сказать, что ваши предположения абсолютно невозможны, их тоже нельзя сбрасывать со счетов. Но я хочу, чтобы вы были реалистами, и в первую очередь проверили более вероятные версии. К примеру, господин Лестер, можете ли вы сказать со стопроцентной уверенностью, что знаете предел возможностей независимых адептов Пандемониума?

– Нет, всегда есть вероятность появления самородка с совершенно особыми способностями. Магия – не точная наука.

– Хорошо, а можете ли вы дать гарантию, что знаете и контролируете все более или менее сильные магические артефакты в мегаполисе и его окрестностях?

– Это было бы слишком самонадеянно с моей стороны.

– Вот видите, – обратился Пириэл ко всем присутствующим. – Из того, что я услышал в докладе оперативников, нельзя сделать однозначный вывод, что эти убийства не могли быть делом рук независимого адепта с особыми способностями или с использованием неизвестного артефакта. Я просто не хочу, чтобы вы в своем расследовании гонялись за химерами. У меня все. Продолжайте обсуждение.

– Итак, дамы и господа, – сказал Беркутов, – я бы хотел услышать ваши идеи по поводу дальнейших оперативных мер в этом расследовании.

Слово попросил Потанин:

– У меня, как и у оперативников, сложилось впечатление, что дело поставлено слишком с большим размахом, чтобы ограничиться только убийствами Сатарова и Бочарова. Убийства, несомненно, заказные, и целями убийцы, кто бы он ни был, определенно являются все члены Большой Пятерки. Кто-то явно хочет обезглавить Синдикат. В связи с этим предлагаю установить негласное осторожное наблюдение за остатками Большой Пятерки. И когда убийца придет за ними, мы постараемся взять его живым.

– Иначе говоря, вы предлагаете использовать главарей Синдиката в качестве приманки, – вступил в разговор моррэец Алт Мор, заместитель Беркутова. – Я далек от того, чтобы морализировать по поводу этичности таких действий. Но у меня есть два принципиальных возражения. Во-первых, наблюдать за главарями Синдиката так, чтобы они при наличии у них целой армии адептов об этом не догадались, довольно проблематично. А если наблюдение будет обнаружено, действия тех, кто в настоящее время пребывает в состоянии жуткого страха за свою шкуру и, к тому же, обладает немалыми средствами защиты и нападения, невозможно предсказать. Если они, не разбираясь, кто за ними наблюдает, среагируют агрессивно, вовсе не факт, что нам удастся вовремя прийти на помощь нашим наблюдателям. Во-вторых, засада на убийцу, разделавшегося с двумя адептами Сатарова, потребует слишком больших кадровых ресурсов. Но даже и при этих условиях нет гарантии, что нам удастся взять его живым и, тем более, выпытать у него имя заказчика. То есть мы, стянув для засады ударные силы и обнажив другие направления, не гарантируем себе успеха... В общем, более перспективным я считаю поиск заказчика.

– Но пока мы будем искать заказчика, – возразил Беркутов – убийца может закончить свою работу.

Мор чуть усмехнулся, что из-за специфичности мимики его кошачьего лица осталось незамеченным его коллегами – людьми и эльфами. Он не считал смерть главарей Синдиката большой потерей для человечества, но не счел возможным озвучить свое мнение в присутствии эдемита.

– Однако, оба ваших замечания следует учесть, – продолжал начальник КУ. – Предлагаю составить немногочисленные группы наблюдения из профессионалов слежки в сопровождении эвакуационной группы адептов на случай агрессивной реакции Синдиката. При появлении убийцы они передадут телепатический сигнал адепту-диспетчеру, который организует переброску сил в нужный район по отработанной нами экстренной схеме. Эту задачу предлагаю поручить господину Лестеру. Также несомненно, следует заниматься поисками заказчика. Господин Потанин, на вас, как на руководителя расследования, возлагаю организацию этих оперативных мероприятий. Если нет вопросов, у меня все. Уважаемый Пириэл?

– Я бы хотел побеседовать с вами, господин Беркутов и с вами, госпожа Деланналь. Остальные свободны.

* * *

Под тяжелым взглядом эдемита Аллерия чувствовала себя не в своей тарелке. Несмотря на свое благоговейное к нему отношение, она уже про себя молила, чтобы он прервал это изматывающее молчание и сказал, наконец, чего от нее хочет.

– Простите, госпожа Деланналь, можно вас называть Аллерией? – спросил Пириэл. – Просто мне так будет удобнее.

– Конечно. – Начало разговора изрядно удивило эльфийку.

– Вот и отлично. Аллерия, насколько я знаю, вы присутствовали на площади Примирения, когда там произошел тот теракт?

– Да, но я уже все...

– Я ознакомился с протоколом прочтения вашей памяти, – прервал ее Пириэл, – и все факты мне известны. Меня интересует то, что не попало в протокол. А именно, почему вы обратили внимание на этого адепта? Меня интересует все: мысли, сомнения, смутные догадки, ощущения. Итак?

– Я сразу увидела его ауру адепта, но было в ней что-то еще. Что-то чужеродное, чего там быть не должно.

– Что именно?

– Не могу определенно сказать. Все было слишком мимолетно. Какое-то вкрапление другого цвета.

– Какого? Багрового? Темно-серого?

– Помню только, что оно было темнее светло-синей ауры адепта.

Пириэл откинулся на спинку стула:

– Вы когда-нибудь видели печать Нижнего мира?

– Нет, но я примерно знаю, как она должна выглядеть.

– Похоже на то, что вы видели?

– Не уверена. Не хотелось бы ошибиться.

– Хорошо. Господин Беркутов, вы должны быть в курсе. Я намерен задействовать Аллерию в своем расследовании инцидента на площади Примирения.

– Ясно. Это надолго?

– Я не собираюсь работать с ней постоянно. Пусть она продолжает следствие по делу Большой Пятерки, – оно меня тоже интересует. Но иногда я буду забирать ее для специфических следственных операций по моему делу. Вам все понятно, Аллерия?

– Да.

– Прекрасно. Можете идти.

Выходя, Аллерия спиной чувствовала оценивающий взгляд эдемита, как будто он рассматривал только что приобретенный товар, размышляя, правильный ли выбор он сделал.

Глава 6

Каладборг появляется на сцене

Окрестности Софии

Анкорнус уже несколько часов вел осторожное наблюдение за Христо Тончевым. «Усмиритель». От этого слова у него до сих пор сводило скулы, несмотря на то, что наблюдатель уже не относился к человеческому роду. Тончев был детективом, то есть занимался расследованиями, а не патрулированием. А еще это означало, что он редко оставался один – с ним все время был адепт-напарник, из-за которого задача Анкорнуса становилась еще более сложной: эдемитский амулет и так делал Тончева неуязвимым для магических атак лича, а присутствие адепта, вдобавок, осложняло незаметное наблюдение, – маскироваться приходилось еще тщательнее.

Давая Анкорнусу список объектов для устранения, Тант оставил ему свободу выбора, с кого начинать. Гордыня, свойственная Анкорнусу при жизни, осталась с ним и в его новой сущности лича. Он решил начать с самого сложного, – бойца софийского КУ. Сложность и рискованность задачи только подзадоривали Анкорнуса. Дорого бы он дал сейчас за дезинтегрирующий арбалет, какими пользуются инферы-убийцы, но, увы, придется обходиться тем, что есть. Впрочем, жаловаться на свой арсенал Анкорнусу не приходилось, – Тант не поспешил. Это лишний раз подтверждало важность его миссии.

В настоящее время Тончев с напарником ехали в электромобиле по дороге из Софии в Ботевград и уже подъезжали к отрогам Стара-Планины.⁴ И тут Анкорнусу пришла в голову счастливая мысль. Лич погладил приклад винтовки с оптическим прицелом, которую он раздобыл, чтобы убить неуязвимого для магии усмирителя. Пока что адепт держал вокруг машины силовое поле, отражающее пули, – очевидно, напарникам было, чего опасаться. Надо было как-то отвлечь адепта, и теперь Анкорнус знал как. То, что ему было нужно, обитало в секторе Кантард, ближайший из которых находился в Московском мегаполисе. Но это, благодаря его новому дару – телепортации, не представляло теперь никакой сложности.

* * *

Московский мегаполис

– В Коломну? Сейчас? – Для Дмитрия это было неприятной новостью.

– Я понимаю ваше недовольство, Дмитрий Сергеевич, – смущенно отводя глаза проговорила Татьяна Петровна. – Уже вечер, да и дорога через эту ледяную пустыню... Но этот документ нужен срочно, а отправить мне больше некого. Вас отвезут туда и обратно и, разумеется, оплатят сверхурочные.

Татьяна Петровна Сошникова была непосредственным начальником Дмитрия в бухгалтерии «Барков энтерпрайзес». Это была тихая, интеллигентная женщина лет сорока пяти. Она была хорошим специалистом, но никудышным руководителем. Отдавать приказы, особенно непопулярные, стоило ей каждый раз таких нервов, такой борьбы с собой, что она иногда предпочитала сделать работу за подчиненного, чем жестко спросить с него. С Дмитрием Рогожиным, правда, у нее в этом смысле никогда проблем не было, так как он был исполнительным и

⁴ Стара-Планина – горный хребет в Болгарии (авт.)

добросовестным работником. Татьяна Петровна симпатизировала ему еще и потому, что знала, какое горе ему довелось пережить, и то, как он держался, восхищало ее. Именно поэтому ей было так сложно просить именно его на ночь глядя ехать в Коломну за этой бумагой. Но выбора у нее не было, так как все остальные в этот вечерний час уже разошлись по домам.

– Хорошо, Татьяна Петровна, если надо, я поеду. Давайте подтверждение полномочий для коломенского филиала.

– Спасибо, Дмитрий Сергеевич, вот бумага. Спускайтесь в гараж, найдите Тома Шимича. Я ему уже позвонила. Он готовит «джип».

– Нет худа без добра, – усмехнулся Дмитрий, – зато прокачусь на «джипе».

* * *

Окрестности Софии

Лич материализовался на высоком скалистом обрыве, нависающем над дорогой. Он взглянул вниз: минут через десять машина Тончева поравняется с ним. Анкорнус оглянулся на свою добычу: метрах в трех позади него рычал и дергался в магических сетях самый настоящий огромный кантардский урс. Поймать и спеленать его было достаточно сложной задачей. Лич мог бы и не справиться, если бы не Сфера Уязвимости, – артефакт из его арсенала, несколько ослабляющий магическую устойчивость различных существ. К сожалению, против эдемитских амулетов она была слабовата, но для урса оказалась в самый раз. Теперь Анкорнусу оставалось лишь спустить его вниз и в нужный момент освободить от действия Сферы и сковывающей магии.

Место для засады он выбрал идеальное: тут было легко укрыться. Ведь двумя сотнями метров дальше в самое сердце хребта Стара-Планина белым языком вторгалась ледяная пустыня Нордхейма, где и сам Анкорнус, и его довольно крупный «подарочек» будут видны усмирителям как на ладони.

Лич осторожно спустил пленного урса вниз и спрятал его за выступом скалы. Оставалось только ждать...

* * *

Окрестности Московского мегаполиса

Полное имя Тома Шимича было Томислав Шимич, и родом он был из Сербии. Он и его семья чудом уцелели при гибели Белграда, прекратившего свое существование в результате Катаклизма. Его семья приехала в Москву к своим дальним родственникам, имевшим кое-какие связи в корпорации. Только благодаря их протекции Томиславу удалось устроиться в «Барков Энтерпрайзес».

Все это и многие другие факты из жизни семейства Шимичей узнал Дмитрий от словоохотливого водителя еще до того, как они выехали из мегаполиса. Ему приходилось изображать внимание, хотя мысли молодого человека были заняты совсем другим. Непонятно почему, эта поездка тревожила его. У него было какое-то нехорошее предчувствие. К тому же, этой ночью ему приснился какой-то непонятный сон с участием его родителей: они наперебой умоляли его не приезжать к ним. Проснулся он с тяжелым чувством. Во-первых, воспоминания о родителях каждый раз причиняли ему боль. А во-вторых, словосочетание «приехать к ним», если учитывать, где они теперь находятся, само по себе, навевало мрачные мысли. Возможно, до той памятной встречи на кладбище с Алиной Барковой Дмитрий только приветствовал бы такую перспективу. Но сейчас все несколько изменилось.

То, что девушка, о которой он мог только безнадежно мечтать, вдруг заметила его и поговорила с ним, да еще так поговорила, привело его в смятение. Он не понимал ее мотивов. Что могла найти эта блестящая и богатая красавица в скромном бухгалтере из компании ее отца? У него была только одна, не очень приятная для его самолюбия, гипотеза: заметив, что он влюблен в нее (а женщины всегда это чувствуют), она решила просто поразвлечься, играя с ним, как кошка с мышью.

Дмитрий попытался отогнать от себя весь этот сонм неприятных мыслей и сосредоточиться на болтовне водителя. Но тот как раз ненадолго замолчал, поднимая боковые стекла: в воздухе уже явственно ощущалось холодное дыхание приближающегося сектора Нордхейм.

* * *

Окрестности Софии

Когда автомобиль КУ въехал в ущелье, Анкорнус освободил урса от сковывающей его магии и блокировал действие Сферы Уязвимости: сейчас свирепому кантардскому хищнику потребуются все его силы и магическая устойчивость. Пока зверь приходил в себя от осознания свободы, машина усмирителей успела достаточно углубиться в ущелье. Неизвестно, чего ожидали и к чему готовились Христо Тончев и его напарник, но точно не к нападению огромного разъяренного урса. На всем Балканском полуострове не было ни одного места проникновения Кантарда, поэтому о тамошних тварях местные усмирители если и знали, то только понаслышке.

Урс, конечно, услышал приближение машины, но не выскочил сразу на дорогу, а затаился в засаде. Поэтому, когда машина поравнялась с уступом, и зверь, с ревом бросился на электро-мобиль, его пассажиры оказались застигнутыми врасплох. И все же сидевший за рулем Тончев попытался избежать столкновения, резко рванув руль влево. Маневр удался лишь отчасти: правая часть капота смялась от удара, слегка оглушенный столкновением зверь отлетел в сторону, а электро-мобиль пошел юзом и, врезавшись в скалу, заглох. Надо отдать должное усмирителям: опомнились они достаточно быстро. Водительскую дверь заклинило, так что Тончев выбирался из машины, выбив остатки лобового стекла. Адепт же вылез в пассажирскую дверь и, когда урс снова ринулся в атаку, встретил его молниевым разрядом.

Однако, он плохо знал кантардских тварей: магическая устойчивость хищника не дала молнии причинить ему серьезный ущерб. Впрочем, не будь урс так разъярен недавним ограничением своей свободы, он бы, скорее всего, ретировался. Но сейчас зверь жаждал выместить свою ярость хоть на ком-нибудь, а других подходящих кандидатур для этого поблизости не было. Поэтому когда молния попала в него, урс лишь дернулся и заревел от боли, но атаку не прекратил. Адепт, несмотря на изумление, все же сумел отскочить в сторону, когда громадная лапа хищника нанесла удар по тому месту, где он только что стоял. Дверца, по которой пришелся удар, отлетела в сторону гнутой и покореженной железкой, ничем не напоминавшей о своем прежнем назначении.

* * *

Окрестности Московского мегаполиса

Сектор Нордхейм встретил их резким ветром и устойчивой снежной взвесью, ни на минуту не оседающей и до предела ограничивающей видимость. Дмитрий с тревогой всматривался во мглу, но, как ни старался, ничего не мог разглядеть.

– Проклятая пустыня! – проворчал Том Шимич. – Надеюсь, нам повезет, и встречного транспорта не будет. Чтобы в такую пургу ехать через Нордхейм, надо быть сумасшедшим, вроде нас.

– Я тоже надеюсь, – ответил Дмитрий и поежился: тучи на его душе все стучались.

Его дурные предчувствия обрели материальное воплощение, когда из снежной мглы возникло около десятка человекоподобных фигур, сгорбившихся под порывами свирепого ледяного ветра. Свет фар выхватил из темноты лицо ближайшей фигуры, – ощерившуюся в зловещей усмешке физиономию орка. Том крутанул руль, пытаясь проехать как можно дальше от группы визитеров, очевидно имеющих самые дурные намерения. И тут Дмитрия острым сожалением резанула мысль о конфискованном усмирителями пистолете с разрывными пулями.

В следующее мгновение больше половины орков вскинули руки и запустили навстречу приближающейся машине свистящую смерть – ороczy метательные топоры.

– Том, пригнись! – успел закричать Дмитрий, ныряя под защиту приборной доски за мгновение до того, как первый топор разбил лобовое стекло, осыпав их осколками, а второй вонзился прямо в лоб несчастному Тому.

В отчаянии Рогожин перехватил руль «джипа», пытаясь вывести машину из-под смертоносного стального града. Но еще два топора ударили в дверь со стороны водителя, а третий вонзился прямо в левое переднее колесо, почти мгновенно превратив его в бесполезный придаток, создающий помеху движению.

Если бы Дмитрий умел водить, и если бы ему не приходилось держаться за руль лишь левой рукой, при этом постоянно пригибаясь, чтобы избежать метательных топоров, возможно, ему бы удалось увести машину достаточно далеко, чтобы получить фору перед бандой орков, достаточную для спасения. Но увы, все вновь было против него: он не удержал руль. Потерявшая управление машина врезалась в сугроб и заглохла. Из разбитого о приборную доску лица Дмитрия потекла кровь.

* * *

Окрестности Софии

Под рукой у Христо Тончева был только пистолет. Автомат с подствольным гранатометом лежал на заднем сиденьи, но сейчас, когда машину покорежило от удара о скалу, извлечь его оттуда было невозможно. Выбравшись на капот, он открыл огонь по урсу. Первая разрывная пуля вырвала кусок мяса из плеча монстра. Урс взревел и повернулся к бойцу, который нацелил пистолет ему в голову. Но этому выстрелу не суждено было состояться: его предотвратил другой выстрел – из винтовки лича.

Анкорнус четко рассчитал момент. Адепту было явно не до того, чтобы поддерживать поле, отражающее пули: он собрал всю энергию для магического удара по урсу. А Тончев на капоте, замерший в позе для стрельбы, был идеальной мишенью, и пуля попала ему точно между глаз. Ударный импульс опрокинул бойца навзничь и сбросил с капота машины. Анкорнус, впрочем, не заметил, куда именно попала его пуля, а видел лишь падение усмирителя. Скорее всего, он был мертв, но личу нужно было убедиться.

Адепт, увидев гибель напарника, не растерялся, а сделал две, единственно правильные в данных обстоятельствах, вещи: во-первых, нанес мощный силовой удар по урсу, отбросив его метра на три-четыре, а во-вторых, восстановил поле, защищающее от пуль. Анкорнус выстрелил вновь, но пуля, предназначенная адепту, отскочила от его силового щита. Лич тихо выругался.

* * *

Окрестности Московского мегаполиса

Выбравшись из машины, Дмитрий едва не упал под порывом остервенелого ветра, швырнувшего ему в лицо заряд колючего снега. По машине звякнул еще один метательный топор: смерть, преследующая его, напоминала о себе.

Молодой человек метнулся прочь от машины в снежную мглу, благодаря судьбу за то, что на недавно смерзшийся плотный снег не успел еще нападать достаточно толстый свежий слой, – ноги проваливались лишь чуть выше щиколотки. И все же, у его преследователей было перед ним неоспоримое преимущество: его одежда и обувь мало подходили для такой погоды, а они были к ней хорошо подготовлены. Дмитрий понимал, что шансов у него практически нет, но в душе поднималась яростная волна протеста против капитуляции перед беспрецедентной травлей, устроенной ему судьбой. Это надо же: иглокрыл, смерть родителей, а теперь это!

«Я выживу назло вам всем!» – пронеслось у него в голове. – «Сам выживу, будьте вы прокляты!» Ему внезапно вспомнилась Аллерия. «Значит, во всем полагаться на усмирителей, госпожа эльфийка? Не умножать зло своим сопротивлением ему? Вы всегда придете на помощь, не так ли?!»

За всеми этими мыслями, он не забывал время от времени рыскать из стороны в сторону, чтобы затруднить прицеливание преследующим его оркам. Ледяной воздух резал горло, ветер сбивал дыхание, но отчаяние придавало ему сил.

Внезапно сбоку из снежной мглы возник орк и замахнулся метательным топором. Дмитрий отшатнулся в сторону, но поскользнулся и упал. Это и спасло ему жизнь: топор пролетел над ним. Однако, молодой человек отнюдь не заблуждался по поводу того, какова будет его участь, если он немедленно не поднимется. Он попытался опереться рукой о наст, и неожиданно его пальцы нащупали в снегу рукоять какого-то оружия. Ладонь инстинктивно сомкнулась на ней, и Рогожин рывком выдернул из-под снега меч.

* * *

Окрестности Софии

Адепт заметил вспышку выстрела и немедленно нанес туда силовой удар, обрушивший часть верхушки скалы. Однако лич успел дематериализоваться, а усмирителю в следующий миг пришлось заниматься опомнившимся и вновь ринувшимся в атаку урсом. Он подхватил магиполем падающие сверху обломки скалы и со страшной силой запустил их в монстра. Атака получилась удачной: первые обломки сбили зверя с ног, а еще несколько острых кусков камня пригвоздили его к земле.

Адепт вскочил на ноги, озираясь в поисках второго противника. Анкорнус материализовался у него за спиной, держа в руке дымчато-серый, исписанный непонятными рунами клинок, и прежде, чем усмиритель повернулся к нему, нанес стремительный удар. Меч, до предела насыщенный магией смерти, пробил без особого труда экран, поставленный адептом для защиты от обычного оружия, и пронзил того насквозь. Вынув клинок из тела поверженного врага и перешагнув через его труп, Анкорнус двинулся к машине, чтобы убедиться, что его главная цель, – боец КУ Христо Тончев, мертв, когда в его голове набатом зазвучал громогласный приказ: «Каладборг! В Нордхейме под Москвой! Немедленно перехватить!»

* * *

Окрестности Московского мегаполиса

Думать о том, что это за меч и откуда он взялся в ледяной пустыне, Дмитрию было некогда: орк стремительно приближался. Рукоять оружия удобно устроилась в руке молодого человека, и он почувствовал, что куда-то уходят холод, страх и усталость, а тело наполняется силой. Рука с мечом сама по себе рванулась вверх, навстречу опускающемуся топору орка, и голубоватый клинок разрубил топор, как гнилую деревяшку. Пока орк ошалело смотрел на жалкий обрубок у себя в руке, Дмитрий вскочил с удивившей его самой ловкостью, а меч, оказавшийся, к тому же, очень легким, спел песнь смерти, разрубив визитера пополам. По клинку внезапно пробежала волна синего свечения, и Дмитрий готов был поклясться, что услышал удовлетворенный вздох.

Тем временем из-за стены бурана появились остальные орки. На несколько секунд они замерли, пытаясь осмыслить внезапную перемену обстановки: их товарищ лежал мертвый, а жертва, которую они считали беспомощной, оказалась вооружена каким-то странным мечом, от которого прямо-таки разило магией. В течение этих мгновений нерешительности врагов Дмитрий успел сделать несколько шагов вперед, сокращая расстояние между собой и преследователями. Больше он не намерен был бежать. Хватит! Эта орочья банда стала для него олицетворением злодейки-судьбы, обрушившей на него и его семью столько несчастий, и он не намерен был упускать возможность расквитаться.

Но вот орки опомнились, и в Дмитрия полетели метательные топоры. Однако, меч как будто сам управлял рукой молодого человека и легко отразил их все. Затем Дмитрий сам ринулся вперед, в мгновение ока очутившись в гуще врагов, а его оружие, взыв от восторга, начало свой кровавый танец. Казалось, волшебный клинок был везде: он успевал парировать частые удары орков, мимоходом разрубая их оружие, а в промежутках совершал смертоносные пируэты и стремительные жалящие выпады, усеивая снег мертвыми телами. Через несколько минут все было кончено: к трупам первого орка добавилось еще восемь, а последний уцелевший со всех ног улепетывал прочь. Но с лезвия меча, вокруг которого уже постоянно сиял яркосиний ореол, сорвался морозный стусок, настиг убегающего орка и превратил его в ледяную статую, которая через пару секунд рассыпалась на мелкие осколки.

С мрачным удовлетворением Дмитрий оглядел место бойни. Магический меч вибрировал от переполняющей его Силы и еще, как показалось молодому человеку, от удовольствия. Вдруг Дмитрий почувствовал мимолетное искажение пространства у себя за спиной. Прежде, чем его мозг смог разобраться в этом новом, до сих пор не свойственном ему ощущении, тело молниеносно развернулось, взяв меч наизготовку.

* * *

Когда Анкорнус материализовался там, где велел быть голос, его глазам предстала странная картина: посреди ледяной равнины стоял молодой человек, одетый по-летнему, в руках он держал меч, нестерпимо сиявший синим светом, а вокруг лежало несколько трупов орков. Но не это ошеломило лича: от меча исходила аура такой неукротимой жажды разрушения и свирепой Силы, которую Анкорнус, при жизни – адепт из Эллезара, а теперь лич – с трудом мог себе представить. И тут ему, едва ли не впервые за время его существования, стало страшно: ведь против этого меча его рунный клинок был не сильнее детской деревянной сабли.

При появлении лича меч взвыл от ярости, как будто увидел давнего врага, а в глазах молодого человека блеснули кристаллики льда.

– Каладборг! Избранный! – вырвалось у Анкорнуса за мгновение до того, как он, охваченный ужасом, телепортировался прочь от этого места, ибо подозревал, что промедли он хоть секунду, и его существованию во Множестве Миров пришел бы конец, причем без права на реинкарнацию.

* * *

– Значит, Каладборг? – тихо проговорил Дмитрий, глядя на меч, яростное сияние которого понемногу начинало меркнуть. – Очень приятно познакомиться.

«Мне тоже», – возник в голове молодого человека голос, похожий на шум ветра в верхушках сосен.

Дмитрий уже пятнадцать лет жил в Пандемониуме и давно перестал удивляться всяким магическим проявлениям, хотя говорящих мечей ему пока видеть не приходилось. Молодой человек оглянулся по сторонам, обозревая побоище, учиненное его мечом, – он подозревал, что в жаркие мгновения битвы скорее меч управлял им, чем он мечом. Вокруг простиралась кажущаяся бескрайней заснеженная равнина, на которой темным пятном выделялся заглухший «джип». Дмитрий не спеша приблизился к машине и взглянул на лежащего на переднем сиденье Тома Шимича. Совершенно определенно тот был мертв. Однако, Дмитрий, как ни странно это было для него самого, не нашел в своей душе скорби по этому поводу, как будто ледяное сияние Каладборга заморозило его сердце. В данный момент его больше волновало состояние машины, чем тело на переднем сиденье.

Одного взгляда на искромсанные в лапшу шины было достаточно, чтобы понять, что в ближайшем будущем эта машина никуда не поедет.

– Кажется, выбираться отсюда мне придется очень долго, – пробормотал себе под нос молодой человек. – В такую метель вряд ли кто скоро поедет по этой дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.